

КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ.

Вышел новый закон 8 июля 1901 г.: об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Какое применение получит новый закон, — это покажет будущее. Но уже самый характер этого закона настолько поучителен, так наглядно показывает он неподкрашенную натуру и истинные стремления царского правительства, что стоит обстоятельно разобрать этот закон и позаботиться о самом широком распространении знакомства с ним в рабочем классе и крестьянстве.

Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк¹, дало тысячи льгот по выдаче им ссуд и отсрочке недоимок, оно помогло им устроить стачку миллионеров-сахаро-заводчиков для повышения цен и увеличения прибыли, оно позаботилось о местечках земских начальников для промотавшихся дворянских сынков, оно устраивает теперь благородным винокурным заводчикам выгодный сбыт водки в казну. Но посредством отвода земель оно не только дает подачку самым богатым, самым знатным эксплуататорам, оно создает новый класс эксплуататоров, оно обрекает миллионы крестьян и рабочих на постоянную кабалу новым помещикам.

Рассмотрим главные основания нового закона. Надо заметить прежде всего, что закон этот — прежде чем министр земледелия и государственных имуществ внес его в Государственный Совет — обсуждался в особом совещании по делам дворянского сословия. Всем известно, что в настоящее время всего более бедствуют в России не рабочие и не крестьяне, а дворяне-помещики, и вот «особое совещание» не замедлило изыскать способ помочь их бедствию. Казенные земли будут в Сибири продаваться и отдаваться в аренду «частным лицам» под «частно-владельческие хозяйства», при чем нерусским подданным и инородцам (в число инородцев входят и евреи) навсегда запрещается какое бы то ни было приобретение этих земель, а сдача в аренду (эта, как увидим, самая выгодная для будущих помещиков операция) разрешается исключительно дворянам, «которые, — гласит закон, — по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, в правительственных видах, землевладельцами в Сибири». Итак, правительственные виды состоят именно в том, чтобы трудящееся население было порабощено крупным землевладельцам — дворянам. Насколько крупным, видно из того, что размер продаваемых участков не должен превышать, по закону, трех тысяч десятин, размер сдаваемых в аренду участков не ограничен вовсе, а срок аренды определен до 99 лет! Бедствующему помещику нужно, по расчету нашего правительства, в двести раз больше земли, чем крестья-

нину, которому нарезавают в Сибири по 15 десятин на семью.

И притом каких только льгот и изъятий не предусматривает закон относительно помещиков! Арендатор в течение первых пяти лет никакой платы не вносит. Если он покупает арендуемую им землю (а он имеет на это право, по новому закону), то пользуется рассрочкой продажной цены на 37 лет. По особому разрешению допускается и отвод для продажи более трех тысяч десятин земли, и продажа по вольной цене, а не с публичного торга, и отсрочка недоимки на один год и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новым законом только высшие сановники и лица, имеющие связи при дворе, и т. п., — таким лицам все эти льготы и изъятия даются шутя, после пары слов в гостинном разговоре с губернатором или министром.

Но вот беда. Какую пользу извлекут из кусочков земли хотя бы и по три тысячи десятин все их владельцы-генералы, если не найдется «мужика», вынужденного на этих генералов работать? Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен. Новый закон старается его приучить. «Предназначаемые для частновладельческих хозяйств земли нарезаются, по возможности, в перемежку с площадями, наделенными крестьянам» — гласит ст. 4 закона. Царское правительство заботится о «заработке» для бедных крестьян. Десять лет тому назад тот самый г. Ермолов, который теперь, в качестве министра земледелия и государственных имуществ, внес в Государственный Совет закон об отводе казенных земель в Сибири частным лицам, издал (без своей подписи) книгу: «Неурожай и голод». В этой книге он прямо заявлял, что нет основания разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут иметь «заработки» у местных помещиков. Русские государственные люди не церемонятся выражать чисто крепостнические взгляды: крестьяне созданы для работы на помещиков, и потому крестьянам не следует даже «разрешать» переселяться, куда они хотят, если от этого помещики лишатся дешевых рабочих. А когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь, тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними в догонку, чтобы донять их на новом месте. Если «вперемежку» с скудными наделами и крестьянскими землями (лучшие из которых уже заняты) окажутся участки благородных помещиков по три тысячи десятин, — тогда, пожалуй, в скором времени мало будет и соблазна переселяться в Сибирь. И земли новых помещиков будут тем быстрее повышаться в цене, чем теснее станет жизнь окрестных крестьян: придется этим крестьянам и наниматься задешево и сни-

мать помещицы земли втроедорога — совсем как в «России». Новый закон прямо о том и заботится, чтобы создать поскорее новый рай для помещиков и новый ад для крестьян: именно насчет сдачи земли в аренду на один посев сделана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой в аренду казенной земли требуется особое разрешение, а передача на один посев допускается совершенно свободно. Помещик может ограничить все свои заботы тем, что наймет приказчика, который будет сдавать землю по десятине живущим «впережку» с помещичьим имением крестьянам — и посылать барину чистые денежки.

Впрочем, не всегда захотят дворяне вести даже и такое «хозяйство». Они могут сразу получить куш, если перепродадут казенную землю настоящим хозяевам. Не даром ведь новый закон выходит именно в такое время, когда в Сибирь проведена железная дорога, когда ссылка в Сибирь отменяется, а переселения в Сибирь возросли в громадных размерах: все это неминуемо поведет (и ведет уже) к повышению земельных цен. Поэтому отвод казенных земель частным лицам в настоящее время есть, в сущности, расхищение казны дворянами: казенные земли повышаются в цене, а их на особо льготных условиях сдают и продают всяким генералам, которые этим повышением цен и воспользуются. Напр., в Уфимской губ., в одном только уезде, дворяне и чиновники сделали такую операцию с проданными им (на основании подобного же закона) землями: они заплатили казне за земли 60 тыс. руб., а через два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т. е. получили за простую перепродажу больше полумиллиона рублей! Можно себе представить по этому примеру, сколько миллионов попадет в карманы бедствующих помещиков благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигают для прикрытия этого наглого хищения всякие возвышенные соображения. Говорят о развитии культуры в Сибири, о важном значении образцовых хозяйств. На самом деле крупные имения, ставящие в безвыходное положение соседних крестьян, могут в настоящее время усилить только самые некультурные приемы эксплуатации. Образцовые хозяйства не создаются посредством казнокрадства, и отвод земель поведет к простому маклерству землей со стороны дворян и чиновников, либо к процветанию кабальных и ростовщических приемов хозяйства. Благородные дворяне в союзе с правительством для того устранили от казенных сибирских земель евреев и прочих инородцев (которых они стараются выставить перед темным народом особенно беззастенчивыми эксплуататорами), чтобы самим заняться без помехи самого низкого сорта кулачеством.

Говорят еще о политическом значении дворянско-поместного сословия в Сибири; среди интеллигенции там особенно много бывших сыльных, людей неблагонадежных, и вот, дескать, в противовес им надо создать надежный оплот государственной власти, надежный, «земский» элемент. И в этих толках заключается гораздо больше и более глубокой правды, чем воображают «Гражданин» и «Московские Ведомости». Полицейское государство настолько восстанавливает против себя массу населения, что ему необходимо создавать группы лиц, способных служить столпом отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были обязаны правительству, которые зависели бы от

его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения. Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений». И если в настоящее время нельзя раздавать «населенные имения», то можно раздать имения в перемежку с землями нищих крестьян; если неудобно прямо раздарить тысячи десятин придворным лизоблюдам, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льгот продажей и «арендой» (на 99 лет). Как же не назвать крепостнической эту поземельную политику по сравнению с поземельной политикой современных передовых стран, напр., Америки? Там никто не смеет рассуждать о разрешении или неразрешении переселений, потому что каждый гражданин имеет право переселяться куда ему угодно. Там свободные земли на окраинах государства по закону имеет право занять всякий, кто хочет заниматься сельским хозяйством. Там создается не класс азиатских сатрапов, а класс энергичных фермеров, которые развили все производительные силы страны. Там рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место на высоте жизненного уровня.

И в какое время выступило наше правительство со своим крепостническим законом! Во время самого сильного промышленного кризиса, когда десятки и сотни тысяч не находят занятия, во время новой голодовки миллионов крестьян. Правительство все заботы направило на то, чтобы не «шумели» о бедствии. Для этого оно повысылало на родину безработных рабочих, для этого оно перелоло продовольственное дело из рук земства в руки полицейских чиновников, для этого оно запретило частным лицам устраивать для голодающих столовые, для этого оно заткнуло рот газетам. И вот, когда неприятный для сытых «шум» о голоде прекратился, — царь-батюшка принялся помогать, помогать бедствующим помещикам и несчастным генералам—придворным. Повторяем: наше дело теперь — просто распространить сведения о новом законе. Ознакомившись с ним, самые неразвитые слои рабочих, самые серые и забытые крестьяне поймут, кому служит правительство и какое правительство нужно народу.

[Н. Ленин]

ЦАРСКИЙ КАБАК.

Наконец-то с 1 июля сего года «одна из самых смелых и грандиозных реформ», «ставящая впереди всего не цели фиска (казны) и доходности, а нравственные интересы народа, его оздоровление и подъем его благосостояния», распространила свои благодеяния по всем градам и весям Европ. России. Царское правительство наше мало кому уступит в лицемерии, но никогда еще не приходилось ему пускаться в ход свое искусство в таких размерах, как при проведении этой реформы. Голод 1891—1892 гг. слишком уж мозолил глаза страшными картинами крестьянского разорения, чтобы можно было отрицать этот факт. Надежда, что «ён достанет», казалось, была навсегда потеряна. Обратиться непосредственно к кошелькам имущих значило бы дать пищу оппозиционным стремлениям,

попытка ввести соляной акциз встретила такой единодушный отпор со стороны представителей сельского хозяйства, что пришлось ее сейчас же оставить. Но деньги нужны были до зарезу. И вот внимание правительства привлекается опять к старому катковскому проекту «казенных винных лавок», которые должны были и сельскому хозяйству пособить и государству новые доходы представить. Прибыль кабатчиков должна быть разделена между помещиками и государством. Вот сущность этого проекта. Но в наш цивилизованный век такие откровенные речи слишком шокируют. Эта откровенность была возможна только в старомодном московском государстве, которое, нисколько не стесняясь своих просвещенных соседей, строго наказывало своим наместникам, чтобы нашей казне была прибыль, а потому «питухов от кабаков не отводить». Двести лет для нас прошли не даром. Вопрос, «что скажут сеседи», заставляет и нас задуматься, да и перспектива получить на какой-нибудь всемирной выставке десяток наград за работы на пользу народной нравственности достаточно заманчива: все-таки лишней довод против злонамеренных людей, утверждающих, что у нас не все ладно. Приходится поэтому призвать на помощь пышные фразы о подеме народного благосостояния и нравственности. А за ними дело не станет.

«Да, крестьянство разоряется, но разоряется... от пьянства. Кабак— вот где язва здешних мест. Кабатчики— вот те люди, частным интересом которых является спивание мужика. Замените „кабак“ казенной винной лавкой, и как по мановению волшебной палочки крестьянство процветет: увеличится число скота, подати будут поступать исправно, возрастут вклады в сберегательных кассах. О нравственных результатах такой замены и говорить нечего: и семейный и общественный быт крестьян в корень изменится. Даже в церковь начнут чаще ходить и больше за требы платить (и на это указывается в некоторых отзывах)». И наше правительство, так свято охраняющее принцип частной собственности, так любовно и осторожно обращающееся с частной собственностью почтенных дворян и «всероссийского купечества», одним почерком пера экспроприрует (лишает собственности) тысячи и десятки тысяч кабатчиков. Так, с 1894 по 1898 г. в 35 губерниях упразднено свыше 30 тысяч питейных заведений. К 1902 г. их насчитывается, вероятно, до 60.000. Рабочему классу интересы кабатчиков, конечно, так же мало дороги, как и интересы других его более крупных эксплуататоров. Будет ли из него вытягивать лишние гроши кабатчик или государство руками сидельца — все на одно выходит. Но не надо забывать, что в данном случае интересы целой группы людей, большинство которых не отличается особенным благосостоянием, безжалостно приносятся в жертву, чтобы скрыть подвиги более крупных хищников. «Вешают вора алтынного, чествуют вора полтинного». Так же слепо государство наше обрушивается на деревенского кулака, сосущего кровь из мужика, и закрывает глаза на ростовщиков-помещиков, не хуже кулака опутывающих крестьян путем зимнего найма и целого ряда других способов.

Но не только кабатчики стали жертвами этой колоссальной реформы. От «добраго старого времени» осталась у крестьянских обществ право получать плату с держателей кабаков. Деньги эти шли на уплату повинностей, на постройку и ремонт церквей, на устройство

школ, на починку дорог и т. д. и т. д. Суммы эти, и сами по себе немалые, представляли довольно значительную статью для крестьянских обществ, если мы вспомним, как невелик вообще бюджет сельских обществ (так называемые мирские доходы составляют для Евр. России около 60 милл. руб.). По расчету председателя Пермской губернской земской управы население этой губернии лишилось миллиона рублей. По другому расчету, приведенному Парвусом в книге «Das hungernde Russland» («Голодающая Россия»), крестьянские общества Самарской губернии за три года (1895—1897) потеряли 3.150.000 рублей. Эти данные делают весьма вероятным вывод Бородин, который для 35 губ. исчисляет эту потерю в 35 милл. рублей. Не трудно понять, как чувствительно должно было отозваться на крестьянских обществах такое значительное сокращение их доходов. Недоимки должны увеличиться, и без того ничтожные расходы на школы, след. на поднятие умственного уровня населения, должны еще более сократиться. С мужиком правительство не церемонилось.

Так ведущее нас провидение
Указало, — да он же привык.

Зато там, где правительству нужно поддержать верность в среде более стропивого населения, оно не скупится: славному донскому казачьему войску решено отпустить ежегодное пособие в 230.000 рублей в вознаграждение за потерю станичными обществами доходов от разрешения торговли крепкими напитками. Отчасти были вознаграждены за потерю доходов еще города и земства, но и тут правительство торгуется за каждую копейку и старается урвать хоть маленький куш. Так, Самарское губернское земство вместо требуемых 20.851 р. получит всего 17.668 р. Зато с какой нежностью обращается правительство с дворянством юго-западных губерний, пользовавшихся до реформы пропинационным правом (правом монопольной продажи вина в своих владениях). Оно сразу назначило для них несколько миллионов, и недавно еще Дубасова, сестра министра внутренних дел Сипягина, получила 125.000 руб. за свое право, хотя комиссия оценила его и без того в немалую сумму — в 70.000 рублей.

Конечно, таких крупных кушей всероссийское дворянство не получило. Но в качестве сельских хозяев и оно выиграло немало от монополии. Всегда отличавшееся любовью к презренному металлу, оно не всегда отличалось необходимой для этого практической сметкой. Устройство винокуренного завода доставляло немало хлопот по продаже вина. Зато теперь с введением казенной монополии настала блаженная пора: «Все глубокомысленные соображения о том, как и куда сбывать вино, потеряли свою силу. Все у него теперь обеспечено и условлено, он может вперед подсчитать свои выгоды. По определенной цене казна дает ему заказ на поставку спирта. Цены на спирт казна назначает весьма выгодные, чем поддерживает интересы винокуренных заводов и вместе сельского хозяйства». И нашим шнапс-юнкерам остается только с благодарностью взывать к тени великого московского публициста, еще в 1883 г. утверждавшего, что «благоустройство сельского хозяйства (то бишь помещиков) немисливо без согласования винокурения с интересами земли (!) и без уничтожения кабака».

Как же велик доход самого государства? До сих пор его нельзя определить. С уверенностью можно сказать только одно: государство так или иначе вытягивает из населения большие суммы, чем прежние кабатчики. Уступая часть прибылей кабатчиков в виде повышенных цен помещикам, оно увеличивает другую часть путем сокращения расходов на очистку спирта. Эта цель достигается увеличением размеров производства очистительных заводов. Если, например, производительность этих заводов в губерниях первой очереди равнялась 40 тысячам ведер, то таковая же заводов в губерниях четвертой очереди уже составляла 178 тысяч ведер. Соответственно этому уменьшилась стоимость приготовления одного ведра вина. Если при начале реформы приготовление одного ведра обходилось от 1 р. 70 к. до 2 р., то теперь оно обходится от 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. Этой же цели правительство достигает еще путем увеличения напряжения труда рабочих в складах, заставляя каждого из них исполнять работу полутора рабочих и уменьшая таким образом потребность в них. В результате, не считая акциза, каждое ведро дает правительству 86 коп. чистого дохода. С 1 января нынешнего года цена простого вина назначена в 7 р. 60 к., а при продаже мерами менее $\frac{1}{100}$ ведра — в 8 р. ведро. Операция, конечно, очень прибыльная. Но сколько остается на долю самой казны? Какая часть полученных таким образом от народа денег остается в карманах чиновников, подрядчиков, посредников? Если в Москве, несмотря на уже назначенный на постройку трех складов кредит в 1.637.000, понадобился вдруг дополнительный кредит в размере двух с половиной миллионов, то как велика доля этих дополнительных кредитов в тех десятках миллионов, которые ежегодно вносятся в бюджет в рубрику подготовительных расходов на введение казенной монополии? На все эти вопросы мы получим ответ, когда — а это несомненно — кто-нибудь из этих хищни-

ков урвет себе кусок не по чину и даст, таким образом, правительству возможность доказать свою бдительность. А пока достаточно китайской войны, чтобы министерство финансов сократило сейчас же расходы на школы и попечительства о трезвости! Повсеместное введение монополии даст возможность подвести итоги этого колоссального грабежа и определить действительный, чистый доход самого государства. Поживем — увидим².

А пока что, посмотрим, как велики нравственные последствия этой реформы. Уменьшается ли пьянство? Несмотря на все старания раздуть благодетельные последствия этой реформы, правительству трудно скрыть факт: пьянство скорее увеличилось, чем уменьшилось, изменилась только отчасти его форма, так как из «кабачного» оно превратилось в «уличное», иногда с разрешения начальства. Конечно, можно спорить, какая из этих форм больше отражается на нравственности населения. Потребность отвести душу в обществе своих слишком сильна. Чайные лавки с их регламентацией, с «недреманным оком», конечно, не могут удовлетворить этой потребности и, если пьющим надоест распивать водку где-нибудь под забором, они, конечно, предпочтут отправиться в трактир, портерную или пивную лавку, где никакая «казенщина» не мешает им веселиться во-всю. А комиссия, получаемая содержателями этих трактиров и лавок, в достаточной степени возбуждает их «частный интерес в спаивании народа». С такой помпой устроенные попечительства о народной трезвости, по признанию официальных же органов, ровно ничего не делают. Если в них случайно попадет, кроме местной бюрократии, заваленной и без того всякими обязанностями, какой-нибудь порядочный человек, то ему остается сейчас же бежать: так скована вся его деятельность всяческими придирками, подозрениями и препятствиями. Казенный интерес («чтобы нашей казне было побольше прибыли»), несмотря на лицемерные уверения, что казна помирилась бы охотно с уменьшением питей-

БУРЖУАЗНАЯ НАУКА ПЕРЕД МОСКОВСКИМИ РАБОЧИМИ.

Вскоре после бурного участия московских рабочих в уличных демонстрациях февральских дней московские власти соизволили разрешить местным рабочим механического производства, возбудившим ходатайство об учреждении общества взаимопомощи, собираться для ведения бесед о своем положении под руководством некоторых московских профессоров. Собрания эти с тех пор ведутся регулярно при 200—300 слушателях (больше не пускают) и продолжают уже после того, как устав общества взаимопомощи получил утверждение властей.

Какой характер носит эта новая попытка «легализовать» русское рабочее движение? Является ли это предприятие простым «культурным начинанием» либеральных просветителей, стремящихся принести рабочему классу посильную помощь в узкой области «дозволенного властями» дела мирной организации, или же здесь мы имеем дело с первой серьезной попыткой отвлечь внимание рабочих от революционной классовой борьбы, с первым

проявлением новой политики мин. внутр. дел, возвещенной несколько лет тому назад гг. Семякиным и Зубатовым и недавно еще рекомендовавшейся «Новым Временем» (см. ном. 6 «Искры») политики, нашедшей себе вольное или невольное орудие в лице либеральных московских ученых? Не имея достаточно данных, чтобы с полной определенностью ответить на этот вопрос, мы вынуждены были до сих пор не касаться собраний московских рабочих. Накопившийся к настоящему времени материал газетных отчетов позволяет, однако, обратить внимание на некоторые странные, чтобы не сказать более, черты нового культурного предприятия, которые не могут не возбуждать самого серьезного недоумения.

Люди науки, которые дерзают, при наших политических условиях, итти на обсуждение вопросов положения русского рабочего, должны знать наперед, что они ставят себя в самое щекотливое положение между опасностью прогневать начальство, выступая открыто против узаконенного беззакония, и риском очутиться — при всех своих благих намерениях — в роли невольного пособника царящего зла, освещая своим двусмысленным поведением, своими умалчиваниями и своими недоговариваниями всю гнусность того режима, под тяжестью которого стонет наш рабочий.

ного дохода, является могучим препятствием во всей этой деятельности для отрезвления народных масс. В газеты то и дело проникают сведения о ходатайствах сельских обществ о закрытии в селах казенных винных лавок. Управляющие акцизными сборами высказываются против этих ходатайств, руководствуясь в этом отношении интересами фиска (казны). И на долю попечительств остается только роль добровольных сыщиков на службе у правительства («они должны на первом плане стремиться к уничтожению тайной торговли крепкими напитками»). Что и эта роль плохо выполняется ими, видно из того, как быстро увеличивается, несмотря на строгий надзор, число мест тайной продажи вина. Соблазн так велик, цена, назначаемая правительством, так безобразно высока, что всегда найдутся люди, которые захотят положить в свой карман несколько лишних рублей, сдираемых правительством с населения. Нечего говорить о том, какую новую громадную доходную статью представляет вся эта казенная продажа вина для чиновников, как пышно расцветают новые формы взяточничества при отсутствии гласности и общественного контроля в таком обширном коммерческом предприятии. Приведенный выше пример достаточно иллюстрирует это.

А что сказать о той куче оголодавших дворян, которые захватили наиболее выгодные места? Для них монополия сыграла роль лишнего пирога, упавшего с неба. Для «полномощного» дворянства она означает еще сокращение расходов на помощь и пособия обедневшим потомкам известной подлостью прославленных отцов: масса дворянских вдов и дочерей, обременявших дворянские общества просьбами о пособиях, теперь рассажены по главным казенным лавкам*.

* Если для мест главных счетоводов в Спб. и Москве с окладом в 3.600 р. или техников (с окладом в 2.500 р.) дворянского звания недостаточно, то места сборщиков (с окладом в 1.500 руб.) и сидельцев в Спб. и Москве с окладом

Таким образом казенная монополия ограбила кабатчиков, ограбила мирские и отчасти городские кассы, дает пока еще не вполне определившийся доход государству, обогатила всякого рода подрядчиков и поставщиков, дала уже не один случай погреть руки чиновникам, обеспечила дворянству сбыт вина по повышенным ценам и освободила его отчасти от расходов на помощь обедневшим потомкам дворянского сословия.

А польза, приносимая этой реформой народу? Микроэкономические крупницы этой пользы мы предоставим отыскивать правительству и его прихвостням в печати и обществе. Даже при вполне свободных демократических учреждениях борьба с пьянством путем урегулирования продажи вина дает ничтожные результаты. Пока существует частная собственность на орудия производства, пока общество разделено на эксплуататоров и эксплуатируемых, пока для громадного большинства населения общественные условия создают и питают потребность в опьянении, единственным средством борьбы с пьянством так наз. низших классов является развитие в них чувства собственного достоинства, а след., обеспечение им доступа ко всем источникам нравственного и умственного развития (всеобщее, даровое, обязательное низшее, среднее и высшее образование). Что же касается рабочего класса, то для него таким средством является развитие классового самосознания, приучающее его тратить остающиеся в его распоряжении немногие свободные часы не на опьянение, а на подготовку из себя борца за будущий социалистический строй, в котором «пити» явится не проклятием, а действительным «веселием».

[Н. Рязанов]

в 900 руб. как будто созданы для дворянских недорослей. См., напр., проект орловского губернского предводителя дворянства и прения по поводу его. «Заря», ном. 1. «Случайные заметки».

На все эти размышления невольно наводят отчеты московских газет о «беседах» профессоров Дэна⁵ и Вормса с московскими рабочими. Мы не знаем, насколько точно в этих отчетах изложена суть сказанного этими учеными. Мы можем только сказать, что так, как эти беседы представлены в газетах, они не имеют ничего общего ни с научностью, ни с правдивостью, ни с действительной помощью рабочему классу.

Г. проф. В. Э. Дэн на четвертом собрании в воскресенье 17 июня поучал рабочих о пользе обществ взаимопомощи. Он рассказал о том, что английские рабочие добились многих улучшений путем самодеятельности, — но умолчал о том, что эта самодеятельность проявлялась главным образом в стачечной борьбе и в организации в боевые союзы, а не в «мирные» общества взаимопомощи, подобные тому, которое теперь основалось в Москве. Он рассказал, что в «большинстве случаев государство берет на себя заботу о внешних условиях труда, могущих вредить здоровью рабочих», но умолчал о том, что в большинстве случаев государство «берет на себя» заботу о рабочих под влиянием политического давления с их стороны и что наше Российское государство, не контролируемое самим народом, в большинстве случаев заботу эту выполняет из рук вон плохо,

будучи занято преимущественно заботой о сохранении порядка.

Очень вероятно, что эти умолчания — неизбежное последствие легальной деятельности, но это несколько не изменяет того факта, что тот, кто таким образом излагает половину правды, на самом деле вбивает в головы своих слушателей лживые представления о предмете беседы.

На 12 собрании рабочих 12 августа другой ученый, приват-доцент г. Вормс, говорил об условиях труда, вредных для здоровья. Между прочим, на предыдущей беседе рабочие указали, что «вред для работы наносится напряженностью труда при низкой сдельной заработной плате и что поэтому они предпочитают поденную плату». Г. Вормс выступил против этого взгляда рабочих, разделяемого большинством организованного пролетариата всего мира и принимаемого небуржуазной наукой. Вормс находит, что «сдельная плата сама по себе здесь едва ли имеет значение: на размер этой платы скорее может влиять переполнение рынка рабочими силами». Как вам нравится такое удивительное решение вопроса? Рабочие говорят, что сдельная плата ведет к усилению напряженности труда; они хорошо знают, что результатом этого увеличения напряженности является постоянное понижение

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Земский с'езд. Общественное оживление, волной прокатившееся по стране вслед за событиями весны этого года, не прекращается: в различных формах оно сказывается во всех слоях русского общества, еще в январе нынешнего года казавшегося глухим и чуждым сознательной работе русской социал-демократии. Правительство изо всех сил выбивается, чтобы поскорее успокоить взволнованную общественную совесть обычными мыльными пузырями, вроде манифеста 25 марта о «сердечном попечении», вроде так называемых реформ Ванновского или торжественно-шутовских поездок по России Сипягина и Шаховского... Кое-кто из наивных русских обывателей действительно будет успокоен этими мерами, но далеко не все. Даже современные земцы, наполовину состоящие из запуганных чиновников, начинают, повидимому, выходить из того состояния непрерывного трепета, в который они были повержены отходящей в историю эпохой безвременья «царя-миротворца».

Освободившаяся от элементарных покровов стыдливости ее величество бюрократия вызывает чувство негодования и гадливости и у них, робких людей с почти атрофированным гражданским мужеством и гражданской нравственностью.

Нам сообщают, что в конце июня в городе NN (из предосторожности не сообщаем названия города. Ред.) был устроен с'езд земских деятелей. Присутствовало на нем, как говорят, человек 40—50 земцев нескольких губерний.

Собрались земцы, конечно, не для разрешения политических вопросов, а для разрешения мирных, чисто земских задач, собрались «без нарушения круга ведомства и пределов власти», как образно выражается земское положение (ст. 87); однако собрание это было созвано без разрешения и ведома администрации и следовательно, выражаясь словами того же положения, собрание состоялось «с нарушением порядка действия земских учреждений», а собравшиеся земцы от мирных, невинных вопросов незаметно для себя перешли к обсуждению общего положения вещей. Такова логика жизни: добросовестные земцы, как они ни отрещиваются порой от радикализма и неле-

гальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконных организаций и более решительного образа действий. Не мы, конечно, будем осуждать этот естественный и совершенно правильный путь. Пора, наконец, и земским деятелям дать энергичный и организованный отпор закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправление, изуродовавшему самоуправление городское и земское и с ослиной последовательностью замахнувшись свой топор над последними остатками земских учреждений. Говорят, на с'езде один старый и почтенный земец при обсуждении вопроса о том, как бороться с законом о предельности земского обложения, воскликнул: «Земские люди должны, наконец, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажут!». Мы совершенно согласны с этим воплем либерального деятеля, готового бросить вызов к открытой борьбе с чиновным самодержавием. Земство накануне внутреннего банкротства. И если лучшие земцы теперь не примут решительных мер, если не порвут со своей обычной маниловщиной, со своими мелкими, второстепенными вопросами — «лужение тазов», как выразился один из маститых земцев, — земство обезлюдет и обратится в обыкновенное «присутственное место». Эта бесславная смерть неизбежна, ибо нельзя безнаказанно десятки лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать: надо грозить, требовать и, бросив игру в бирюльки, приняться за настоящую работу.

Из Курска. Весенние события в Москве и Петербурге отозвались слабым эхо и на нашей курской монотонной серенькой жизни. Вслед за уличными волнениями в Москве и бойней 4 марта в Петербурге, стены курских домов, общественных зданий, величавого Знаменского собора впервые за тысячелетнюю историю г. Курска удостоились быть украшенными революционными прокламациями, призывавшими граждан отозваться на протест столичного и харьковского рабочего и ремесленного люда. Изумленный обыватель впервые читал свободное и негодующее на самодержавие слово. Правда, обыватель ничем не отозвался на призыв к протесту, но прокламации сделали свое дело: взбаламутили воду мелких помыслов, мелких страстей и надолго испортили кровь курских держиморд и Сквозников-Дмухановских. Из пожарных градо-

расценков, а им отвечают: нет, низкая плата обусловлена переполнением рынка рабочими силами. Но разве г. Вормс не знает, что именно увеличение напряженности труда, вызываемое системой сдельной платы, ведет к увеличению армии безработных? Надо полагать, что он отлично это знает, но поставленный лицом к лицу с необходимостью высказывать это свое знание при том условии, что оно может не понравиться тем, кто разрешает ему «беседы» с рабочими, он вынужден влиять самым недостойным и нелепым образом.

«На потерю здоровья, — продолжает свое возражение г. Вормс, — влияет незнание гигиенических условий, которые могли бы напряженность работы поставить в границы, не вредящие здоровью». Какая, подумаешь, аркадская невинность! Рабочий на сдельной плате измочаливает свои силы только потому, что он не знает гигиенических условий и не ставит «напряженность труда в границы, не вредящие здоровью». Итак, невежество рабочего — единственная причина его чрезмерного труда. Если бы он знал «гигиенические условия», он работал бы с прохладцей и, вероятно, ухитрился бы на вырученные гроши «теплее накрыться и здоровою пищей питаться»!

Впрочем, г. Вормс признает, «что здоровье может страдать и от длины рабочего дня, неправильного его

распределения и проч.», но, говорит он, «устранение всех этих условий зависит от самого рабочего».

Вы удивляетесь, читатель? Вы просите ученого мужа поскорее открыть вам секрет, как это вы можете сами «устранить» свой длинный рабочий день, «ломку смен» и т. п. язвы вашей трудовой маеты? Дело, видите ли, очень просто: ведь «наш закон представляет его (рабочего) усмотрению входить или не входить в договор с предпринимателем и в то же время до известной степени обеспечивает здоровье от вредных гигиенических условий труда». Что это должно означать? Неужели г. Вормс прописывает тот самый рецепт, который до сих пор прописывали рабочим гг. Клейгельсы, Треповы и прочие деятели по «улажению недоразумений»: не хочешь работать по правилам, убирайся с фабрики? Или же г. Вормс хочет просто сказать, что, если бы рабочие не соглашались работать на невыгодных условиях, то эти условия не могли бы существовать. Что это: фарисейство или легкомыслие? Во всяком случае, нечто недостойное человека науки.

И в конце концов г. Вормс сказал ложь: на самом деле в России не существует свободы договора даже в самом узко-буржуазном смысле слова, ибо за единолич- ный отказ от работы без предупреждения за две недели

начальствующими лицами образована была особая дружина для ловли «прокламатчиков», городские же и караульщики после достаточного приличного мордобоя за плохое внимание были обнадежены, что за каждую прокламацию, которую они доставят начальству, им будет выдано по три рубля награды. Не знаем, исполнило ли начальство свое обещание или же снова ограничилось лишь отеческими заушениями, только прокламации продолжали появляться перед домами и на дворах курских обывателей. «Злоумышленники» постарались осветить рабочему люду слободы Ямской и других городских предместий значение Обуховской бойни (7 мая), напомнили годовщину Ходынской «катастрофы»³ и вообще продолжали от времени до времени будить сонливую общественную совесть курских граждан. Само собой понятно, что молодое население Курска не осталось равнодушно к прокламациям, а тем более к возмутительным фактам, ежедневно доносившимся в город из столиц и Харькова. Брожение среди учащихся в наших средних учебных заведениях не на шутку испугало наших «человеков в футлярах». Директор учительской семинарии Кашлинский и директор гимназии Лапин со слезами на глазах умоляли нарочито собранных в актовом зале своих воспитанников не верить басням и спокойно относиться к столичным волнениям. И тот и другой, а в особенности полицмейстер, заготовивший при полицейских частях вороха веревок для связывания бунтовщиков, повидимому, искренно ожидали, что курская учащаяся молодежь возьмет на себя почин в деле организации на курских улицах митинга-протеста. Повидимому, их речи имели успех, и «общественное спокойствие» Курска до сего времени ничем нарушено не было.

Общественному спокойствию курских деревень и сел угрожала также да, повидимому, продолжает угрожать крамола в лице прокламаций, получаемых крестьянами в почтовых конвертах. Из многих уездов сообщают, что крестьянами получают письма «против панов, купцов, попов и самого царя». Один крестьянин, с которым пришлось беседовать пишущему эти строки, так передавал содержание полученного письма: «Складно написано: что ни слово, то насмешка. Всех перебрали. Податей, мужики, не платите, пока земли вам не дадут. Видно, заморский королевич какой писал». Судя по слухам, «заморский королевич» продолжает поддерживать переписку с курскими мужиками. В Грайворонском, напр., уезде, мужики так говорят: «получаем письма и не знаем, что с ними делать: ни

его до бога (иконы) причипить, ни к уряднику нести». В Старооскольском уезде письмами очень интересуются, и прокламации переходят из рук в руки.

Необычный приток еще более необычных писем к темному деревенскому обывателю не остался без «мер пресечения» со стороны «предержанных». Некоторыми земскими начальниками издано по волостям распоряжение распечатывать адресуемые крестьянам письма и передавать им, начальникам, на попечительную цензуру.

Из Сибири. Знакомо ли вам, читатель, то томительное чувство, с которым человек молодой, полный жизни, привыкший к кипучей деятельности, общению с людьми, но заброшенный волею судеб в захолустье, ждет письма из дорогих ему мест, от близких людей, в унисон с которыми бьется его сердце, духовной жизнью которых он полон? Вообразите себе еще, что это захолустье представляет собой сибирскую деревушку в глубине Енисейской губ., что эта деревушка с двадцатью избенками утопает в снегу, что взору открыто одно только однообразное снежное поле, что слух «ласкает» одно только злобное завывание ветра; вообразите себе эту тоску одиночества, и вы поймете, с каким замиранием сердца ждут там писем, как велико напряжение слуха заброшенного в такие дебри человека, жадно прислушивающегося к малейшему звону, являющемуся возвещением приближающейся почтовой кибитки. Она появляется в отдаленных деревнях Сибири редко: раз в три недели. Появление кибитки — это эпоха в жизни наших сосланных в Сибирь товарищей; они живут этим ожиданием: вот появится кибитка, которая принесет вести из тех дорогих мест, от почвы которых они безжалостной рукой оторваны.

В трепетном ожидании письма лежал в последних числах февраля этого года наш товарищ Гуревич в больнице, в деревне Кежме, Енисейской губ., поправляясь от недавно перенесенного острого тифа. В 10 часов вечера прозвучал колокольчик и замер около квартиры станового пристава. Радостный, в приподнятом настроении Гуревич спрашивает у врача, случайно бывшего в то время в больнице, нельзя ли ему пойти за своей корреспонденцией.

— Нельзя, — получил он лаконический ответ.

— Почему нельзя?

— Потому что нельзя!

рабочий подвергается уголовной ответственности даже в том случае, если этот отказ вызван изменением «правил внутреннего распорядка», напр. удлинением рабочего дня, изменением порядка смен и т. п.

Чувствуя, что запутался, г. Вормс не пошел дальше, а «в виду сложности этого вопроса рекомендовал рабочим обратиться за более подробным его разъяснением к какому-либо специалисту, напр. к фабр. инспектору». В каком, однако, жалком положении находится та «наука», которая останавливается перед сложностью вопроса, поднятого рабочими, и отсылает их за разъяснениями к чиновникам царского правительства!

Жалуются рабочие на неудовлетворительность постановки медицинской помощи на московских фабриках и заводах. Г. Вормс «разъясняет», что закон 1866 года обязал фабрики, имеющие свыше 100 рабочих, иметь свои больницы. Однако, «этот закон не имеет применения в городах Спб., Москве и Одессе, где установлен городской больничный сбор с рабочих». Иными словами: «закон был, да весь вышел» для московских рабочих по тому случаю, что с них же взыскивают за лечение в городских больницах. Это как будто несколько несуразно: потому что с меня город сдирает больничный сбор, мой эксплуататор должен быть

освобожден от обязанности давать мне медицинскую помощь. Но г. Вормс указывает, что столичные присутствия по фабричным делам «делают вывод, что обязанность лечить рабочих должна лежать здесь на городских управлениях, а не на фабриках и заводах», и довольствуется ссылкой на это совершенно произвольное лжетолкование присутствий, не обмолвившись и словом о том, насколько, по его мнению, законно такое толкование. Удивительно много вынесут рабочие из такой беседы!

Заговорил г. Вормс о несчастных случаях на фабриках, ведущих к увечьям или смерти. Этот жгучий вопрос, затрогивающий самые мрачные стороны фабричного быта, превратился в его изображении в вопрос «о разграничении обязанностей по вознаграждению рабочих за увечье и смерть между предпринимателем и обществом взаимопомощи». Обязанность вознаграждать рабочего за увечье или семью его за смерть наш закон возлагает на предпринимателя. Правда, тот же закон обставляет это право рабочих такими условиями, которые сводят его к нулю. Отсюда может вытекать только необходимость добиваться осуществления этого признанного законом права, необходимость требовать, чтобы обязанность возбуждения исков лежала не на

— Нельзя ли послать сторожа за корреспонденцией?

Строгий эскулап обвел его внушительным взглядом, вышел из комнаты, бросив ему мимоходом:

— А сторожа не для того служат, чтобы бегать каждому за письмами.

Гуревич, охваченный порывом негодования и мучимый сознанием, что, если он пропустит момент, письма его будут доставлены только через три недели (в Кежме письма не оставляются и не передаются другим), что целых три недели он не будет знать, чем живут его товарищи, не будет знать ни одной новости из жизни оставленного юга, — уходит в одном белье, в туфлях на босу-ногу, без шапки, без тулупа за долгожданной корреспонденцией. Письмо вознаградило его за физические и нравственные страдания, оно говорило ему, что вспаханное им поле деятельности на юге России дало пышные ростки, он мысленно присоединился к жизни своих товарищей по работе, которой он посвятил свои лучшие силы. И он снова воспрянул духом.

Мечтая о «лучшем будущем», он возвращается в больницу, не чувствуя холода, но здесь его ждет мерзкая, прямо зверская проделка врача-полицейского. На все его постукивания в запертые кругом двери больницы, он слышит ответ сторожа:

— Не велено пущать.

— Да кто не велел?

— Господин доктор, — невозмутимо отвечает сторож.

— Дайте мне хоть шапку и тулуп, — умоляет он сторожа.

— Не велено давать.

Его долгие упрашивания ни к чему не привели, ему пришлось не одетым идти на квартиру своего единственного товарища Генделя, у которого он решил переночевать. Сон их был недолог. Эскулап не удовлетворился своей каверзой; ему понадобилось новое глумление над личностью человека, он придумал новое средство, чем унижить этих «беспокойных» людей.

В час ночи на квартиру Генделя вваливается становой пристав с двумя десятскими с отношением врача, которым последний просит водворить в больницу якобы сбежавшего пациента Ш. Гуревича, и пристав, не долго думая, грубо и бесцеремонно обращается к десятским:

— Тащите его (указывая на Гуревича) в больницу.

— Да я, ведь, в одном белье... — отвечал Гуревич.

— Сюда ходил и обратно пойдешь, — был ответ.

Но тут Гендель дал выход накопившейся злобе; он заявил приставу, что, если он не пошлет за теплым платьем для Гуревича, то он не отпустит его из своей квартиры; если же пристав станет упорствовать, он будет силой защищать Гуревича и тут же протянул руку за револьвером. Пристав смягчился и послал за платьем. Гуревич, в сопровождении пристава и Генделя, пошел в больницу, где сторож не хотел впустить «сбежавшего пациента», так как «г. доктор не велел пущать их в больницу». При помощи пристава Гуревичу удалось вернуться в лоно милосердия, в больницу, где так пекутся о больных.

Гуревич и Гендель жаловались губернатору на незаконные и возмутительные действия врача и пристава. Получился ответ: «перевести Гуревича и Генделя в более отдаленное место». Коротко и ясно.

Напрасно товарищи не приводят имени кежемского доктора; оно заслуживает опубликования.

Нам сообщают следующие выписки из отчетов губернаторов Северо-Западного края генерал-губернатору. Обращаем внимание читателя на чрезвычайно остроумные и поучительные выводы, которые делаются представителями власти из констатируемых ими самими фактов беззаконий фабрикантов. «Стачка вызвана плохим положением рабочих... а потому предлагаю выслать таких-то, как агитаторов, на основании положения об охране», — вот формула, в которой как нельзя лучше выражена сущность отношений царской власти к трудящемуся населению.

Вот эти выписки:

1) 10 мая 1899 г. разбросана прокламация к крестьянам в дер. Мекшеселе, Виленской губ., и по дороге в Александровскую волость, Трокского уезда.

2) 29 июня по дороге в гор. Шавли на телеграфных столбах расклеены прокламации.

3) В сел. Вилейка 19 июля на заборах, домах расклеены и разбросаны по улицам прокламации.

4) В м. Янишки расклеены на телеграфных столбах прокламации на жмудском языке (5 сентября) («речь идет о ниспровержении существующего строя, о свободе слова, печати и сходок; о грабительстве деспотического правительства царя, держащегося насильем и беззакониями»).

рабочем, а на фабриканте, если он не желает уплатить вознаграждения и хочет доказать, что рабочий пострадал по своей вине. Либеральный г. Вормс поступает не так. Всецело возложенную законом на хозяина обязанность вознаграждения рабочего он желает «разграничить между предпринимателем и обществом взаимопомощи», т. е. одна из задач общества взаимопомощи рабочих — снять с предпринимателя часть бремени по вознаграждению рабочих. Так, что ли, г. Вормс? А не смущает вас сомнение, что проповедь такого рода «взаимопомощи» может показаться рабочим делом «взаимопомощи» между предпринимателями и гг. учеными?

Для того, чтобы как следует «разграничить» ответственность за несчастные случаи между хозяевами и самими рабочими, г. Вормс, изложив «те условия, которые по закону создают ответственность предпринимателя», описывает «также и те затруднения, которые испытывает получивший увечье при осуществлении своего права на вознаграждение (как то: обязанность личных хлопот, краткость срока давности и т. п.)». Вы скажете, пожалуй, что г. Вормс беспристрастно описывает настоящее положение дел. Однако, когда вы читаете следующую фразу: «Автор беседы, впрочем, придавал больше значения вопросу о мерах, предупреждающих возникновение

самых несчастных случаев», то у вас возникает сомнение: а что если г. Вормс остановился на трудностях в осуществлении рабочим своего права не для того, чтобы требовать устранения этих трудностей, но чтобы «отвадить» рабочих от помыслов о расширении своих прав в этой области. «Зелен виноград, — доказывает г. Вормс, — как раз оскомину набьешь», не стоит возиться с требованием вознаграждения за уже оторванную руку, следует больше значения придавать условиям, предупреждающим потерю второй руки. Ибо о том, что лучшим средством «предупреждения» новых несчастных случаев является введение строгой и на деле осуществляемой ответственности предпринимателей, — об этом г. Вормс опять-таки умолчал (по крайней мере, в газетном отчете нет об этом ни слова). «Принятие этих мер (предупреждения) должно, — по его мнению, — явиться главной заботой как законодательства, так и предпринимателей, которым выгодней предупреждать несчастия, чем платить за них». Последнее, конечно, верно, но если бы рабочие перестали думать о введении действительной ответственности фабрикантов и в виду трудности дела отказались от попыток при теперешних условиях взыскивать с хозяев вознаграждение за увечье, то, пожалуй, предпринимателям было бы еще выгоднее не предупре-

5) В м. Лужках 1 ноября прокламация на польском языке к сельским рабочим.

6) 30 октября в гор. Вилькомире разбросаны прокламации. Разыскивали виновников, были аресты, но по недостатку улик всех выпустили.

7) 8 июля 1899 г. в Белостоке был съезд 35 депутатов от разных цехов для обсуждения вопроса об оборонительном терроре и сборе денег на бегство убийцам. В марте равнины Белостокского уезда и вообще Гродненской губ. сообщали в синагогах о стачке рабочих в Белостоке и угрожали рабочим не идти наниматься в Белосток.

8 июля забастовали перчаточницы. К 15 июля прекратило работу 150 человек в 36 мастерских, прося надбавки на дюжину 5—10 коп., расчета по полумесяцам и по рабочим книжкам. Агитаторы отвинчивали машинные части. Мною установлено, что при расчете действительно из платы мастер делает произвольные вычеты в 2—3 руб. на учениц, что плата нищенская: 10—20 коп. в день, да и то половина (пользуясь невежеством и нищетой работниц) удерживается, благодаря отсутствию контроля, так как лишь один мастер подведомствен фабричному инспектору.

А потому полагал бы (к таким-то лицам) применить положение об усиленной охране — выслать из пределов губернии. (Послано к министру о разрешении высылки.)

26 июля на конвертной фабрике забастовало 30 рабочих из 100. Требовали увеличения платы с 1.000 конвертов на 1 коп., вместо 6 коп. — 7 коп. К зачинщикам применено положение об усиленной охране — высланы.

Гродно. 16 сентября 700 папиросниц у Шерешевского забастовали, требуя вместо 17½ коп. — 30 коп. за 1.000 шт. В Вильно платят 40 к., в Гродне 17½ коп. Приняты энергические меры. В ночь на 25 сентября взято 88 женщин и 3 мужчин и объявлено, что так будет поступлено со всеми. 27 сентября все стали работать; при официальном расследовании подтвердилось, что стачка вызвана тяжелым материальным положением и тем, что Шерешевский платит меньше всех.

Ковно. 6 февраля 1898 г. в типографии Соколовского и Леванда стачка. Губернатор пишет: «Собственно говоря, никакой стачки не происходило, а была лишь слабая попытка со стороны рабочих добиться некоторых облегчений (они работают 16 часов), которая и была парализована властями при первом же проявлении... Хотя на основании следствия (таких-то) нельзя признать виновными, но

я прошу выслать их административным порядком из пределов вверенной мне губернии».

Белосток. 15 июня 1898 г. В 94 ткацких заведениях стачка из-за отказа увеличить плату на 1 коп. на моток. Губернатор доносит: «Я лично расследовал это дело на совещании всех хозяев и нахожу невозможным возвысить плату. А потому для прекращения беспорядков прошу агитаторов (таких-то) выслать административным порядком».

3 марта 1898 г. уволен из Ковенской гимназии ученик 3 класса Островский за стихотворение собственного сочинения, в котором он просит бога облегчить участь поляков. Дело прошло следующие инстанции: совет гимназического начальства, два раза у попечителя, ковенского жандармского управления, ковенского губернатора, генерал-губернатора и прокурора палаты. Жандармы требовали суда, но прокурор дал заключение о прекращении дела. После этого постановлено исключить из гимназии и установить негласный надзор.

В ном. 3 гектограф. московского издания «Студенческий Листок» сообщается: «В Пензе произошел целый ряд событий, весьма характерных и знаменательных для „нашего времени“. Они покажут вам, как относится провинция к основному вопросу русской жизни и что она переживает. События, происшедшие в Пензе, ни в каком случае не могут быть объяснены только местными условиями. Изредка приходящие к нам известия свидетельствуют, что и другие провинциальные города переживают то же, что и Пенза. Эти события лишь частное проявление общего освободительного движения, недавно так ярко блеснувшего... В ночь с 9 на 10 апреля в рабочих кварталах (за рекой Пензой, за валом железной дороги и местностях, прилегающих к базарной площади, на Сергиевской фабрике и т. д.) были разбросаны и расклеены прокламации. В них опровергаются сообщения „Правительственного Вестника“, имеющие целью унижить студентов в глазах общества. Описывается самое движение и отношение к студентам общества интеллигентного и рабочих, приведено письмо „Союза писателей“. Затем в общих чертах обрисована внутренняя политика нашего правительства и его отношение к трудящимся классам; раскрывается смысл и значение студенческих движений и пр.

ждать несчастий, а содействовать развитию «бесед» г. Вормсов.

По мнению г. Вормса, и обществам взаимопомощи также принадлежит почетная роль по «предупреждению несчастных случаев». Не спешите радоваться, читатель! Вы, может быть, ожидаете, что общество взаимопомощи, как рабочая организация, будет призвано оказывать давление на предпринимателя в целях лучшего предупреждения несчастных случаев. Ну нет, г. Вормс таких «разрушительных» проектов и в мысли не имел. Общество взаимопомощи, говорит он, «может с своей стороны принимать в этом направлении известные меры, напр., ознакомление членов с приемами подачи помощи в несчастных случаях».

Гора родила мышь! «Предупреждение несчастных случаев» оказалось подачей помощи после того, как несчастный случай произошел. Общество взаимопомощи должно, сверх прочих своих услуг фабрикантам, избавить их от подачи первой помощи пострадавшим рабочим!

Неужели же г. Вормс всю роль общества взаимопомощи в этом вопросе сводит к подаче первой помощи? О нет! После цитированных нами слов он продолжает: «...организация для своих членов особого юридического

бюро для подачи советов при помощи опытных специалистов, при чем польза этого бюро могла бы сказаться уже и в том, что оно могло бы предупредить случаи возбуждения недостаточно обоснованных исков».

Так, так! Для «предупреждения несчастных случаев» общество взаимопомощи создаст бюро, которое будет заниматься «предупреждением» недостаточно обоснованных исков! Когда идет дождь, люди распускают зонтики; стоит только свернуть зонтики, и дождь пройдет. Совершенно таков же, надо думать, ход мыслей г. Вормса. От того, что русские рабочие находятся в самом бесправном положении, многие возбуждаемые ими иски оказываются недостаточно обоснованными; отказывайтесь заранее от своих исков, и ваше положение поправится (ведь г. Вормс все-таки толкует о средствах облегчения положения рабочих!).

Послушаем еще г. проф. Озерова⁶ (13 беседа 19 августа). Трактует он о «разумном проведении досуга членами кассы взаимопомощи». Бедные рабочие! Их еще надо учить «разумному проведению» времени, которое оставляет им капитал! Буржуазная наука с очаровательной грацией спешит оказать «меньшому брату» одолжение, поучая его, как следует разумно проводить сво-

Эти прокламации были рассеяны в таком громадном количестве, что полиция одна была не в силах собрать их и пригласила на помощь жандармов и дворников. С ведрами, ножами ходили они по улицам и отскабливали приклеенные прокламации; другие ходили по дворам, где они были также разбросаны. Как много было разбросано прокламаций, показывают нелепые слухи, будто их таскали мешками. Отнеслось к ним население различно: мелкая буржуазия (мясники, лавочники и т. д.) — с негодованием, рабочие — сочувственно. В особенности тревожное настроение было заметно на Сергиевской фабрике. На учащихся прокламации произвели также сильное впечатление. Создалось возбужденное состояние, которое прорывается в постоянно происходящих с начальством конфликтах. В гимназиях выросла такая оппозиционная сила, что начальство не знает что делать. В особенности сильное возбуждение среди семинаристов; они решили путем петиции добиваться прав, которых они были лишены в 80-х годах: допущения их в университет по окончании 4 класса, ослабления богословского образования и усиления естественно-научного. Недавно у них в лесу состоялась сходка в 100—150 чел. И несмотря на то, что их окружали городовые, пристава и жандармы, они все-таки пели революционные песни. С начальством у них постоянные столкновения, и оно боится принимать против них какие бы то ни было меры. Каждый день оно ожидает, что вспыхнет «бунт». В казенном лесу, верстах в двух от Пензы, есть училище садоводства. Культурный уровень учащихся довольно низок, но и туда проник «дух времени», и там борьба и движение. Ученики решили изгнать одного учителя, ненавистного им. Когда их попытки достигнуть этого на легальной почве кончились неудачей, они стали его бойкотировать, разбивают окна в его квартире, устраивают манифестации. А несколько дней тому назад беспорядки приняли такие размеры и характер, что была вызвана рота солдат. Последняя была расположена в лесу, вблизи училища, но в действие не была употребляема. Настроение населения настолько тревожное, что полицейское начальство опасалось, как бы первого мая не состоялось чего-либо вроде демонстрации. Слухи о ней ходили по всему городу, претворяясь иногда в самые замысловатые, фантастические формы. И чтобы предотвратить якобы предстоящую демонстрацию, полиция приняла различные меры: по улицам, где живут подозрительные лица, сновали городовые и переодетые жандармы. На Сергиевской фабрике штат

полиции, усиленной тремя ротами солдат, получил приказание приготовиться к военным действиям и снабжен боевыми патронами. Состоялось совещание директоров у губернатора, на котором решался вопрос, какие меры принимать по отношению к учащимся, чтобы не допустить их к участию в демонстрации первого мая. Решено, чтобы квартирные хозяйки не отпускали в этот день учащихся одних. А инспектор второй гимназии хотел предпринять более энергичные меры: засадить нескольких гимназистов в здание гимназии и держать их там, пока все успокоится. Между прочим, в Спб. отправился один жандармский офицер за инструкциями.

Археология и полиция. Что, казалось бы, может быть общего между археологией и департаментом полиции, между изучением древности и борьбой с современностью? Почтенный археолог И. Е. Забелин, так много сделавший для русской старины, и директор деп. полиции Зволянский, работающие для одной и той же цели, поглощенные одной и той же работой, — не странная ли это картина? А вот подите же, такая связь существует и, что всего курьезнее, на нее указывают сами археологи. Совершая свое опереточно-феерическое путешествие по наиболее промышленным губерниям, министр внутр. дел Сипягин попал и в Ярославль. Там он «соизволил» принять участие в заседании ярославской ученой архивной комиссии. Чем занимались почтенные архивные крысы в присутствии высокопревосходительной лисицы, — неинтересно. Зато совершенно специальный интерес приобретает речь председателя комиссии М. Липинского, того самого профессора Демид. юрид. лицея, который написал для Витте первую записку о земских учреждениях, доказывавшую их несовместимость с самодержавным строем. В своей речи этот представитель «чистой» науки указал, что «главные заботы архивной комиссии направлены к тому, чтобы возбудить в обществе интерес к местной старине и тем создать противовес отвлеченным умствованиям, не вызываемым потребностями практической жизни и являющимся плодом отсутствия других более высших интересов». Министр очень одобрительно отнесся к этой речи и обещал с своей стороны всяческое содействие археологическим изысканиям. Теперь остается только покрыть всю Россию такими «архивными обществами», да кстати уже и за-

бодное время. Без ее благожелательных указаний рабочий не сообразит, пожалуй, как ему «разумнее» проводить свои вечера и праздники. А может быть, для того, чтобы иметь возможность их проводить разумно, он потребует себе менее продолжительной работы, лучших квартирных условий, высшей платы, свободы собираться и разумно проводить время, свободы достигать самообразования? Может быть, пожелав всего этого, он вступит в борьбу с государством, которое ставит его стремлениям всяческие преграды? Буржуазная, с позволения сказать, наука спешит «легализовать» такие стремления, придать им окраску законности. Поговорив о значении рабочих клубов в жизни европейских рабочих, г. Озеров заявил, что «наши рабочие нуждаются в подобных клубах не менее, чем иностранцы». Оказывается, что это уже сознало... министерство финансов, которое «со введением винной монополии усиленно рекомендует комитетам трезвости устройство особых народных клубов, в которых рабочий мог бы не только пить чай, но и разумно проводить время». Да здравствует министерство финансов, трижды ура г-ну Витте! По лицемерию или невежеству г. профессор не упоминает об одной лишь малости: что разумное проведение времени в клубах и читальнях комитетов трезвости за-

ключает, между прочим, чтение «Света», «Моск. Вedom.» и тому подобной грязной литературы, и только такой литературы! Г. Озеров не постеснялся выразить «большое спасибо казенной винной монополии» за то, что она «в основу борьбы с алкоголизмом поставила устройство чайных, имеющих характер клубов». Переводя эти «благонамеренные речи» на человеческий язык, мы констатируем тот факт, что г. Озеров приветствует и прославляет русское правительство за то, что оно в основу борьбы с алкоголизмом поставило не повышение народной культуры, не освобождение личности, не свободу образовательных учреждений, но жалкое подобие просветительной деятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуров и попов, — этот фиговый листок, которым правительство прикрывает гнусную наготу своей роли кабатчика. Так для выслушивания таких-то комплиментов шарлатанским предприятиям г. Витте вы приглашаете рабочих на свои «беседы», г. Озеров? Но такое-то «разумное проведение досуга» они могут себе найти и в чтении «Нового Времени»!

Так вот в какой уродливой форме осуществляется в первопрестольной столице «союз науки и работников», составляющий содержание стремлений передовой части пролетариата? Вместо раз'яснения сложных социальных

числить их по департаменту полиции, и «вредные умствования» будут вырваны с корнем и общество обратит внимание на «другие более высшие интересы». Советуем г. Липинскому написать записку в этом духе! Авось она скорее вынесет его в «высшие сферы», а там такие «талянты» теперь очень нужны, ибо «отвлеченные умствования» свили себе прочное гнездо не только в «обществе»¹.

[Н. Рязанов]

Цена совести тайного советника Юзефовича. До свободы печати мы еще не доросли, а вот на поприще торговли печатным словом подвигаемся с немалым успехом. Сторонники существующего строя любят указывать на продажность западно-европейской буржуазной печати как на доказательство того, что при свободе печати, благодаря силе капитала, народная масса возвращается нездоровой умственной пищей. Они при этом умалчивают о том, что в Зап. Европе свобода печати служит лучшим противоядием тому развращению, которое вносят продажные газеты, тогда как у нас вследствие цензурного рабства «руководителями общественного мнения» являются почти исключительно рыцари торговли печатным словом.

В опечатанных судом бумагах ныне обанкротившегося Харьковского Земельного банка найдена многозначительная запись: «печати — 5.000 руб.». Местные газеты: «Харьковские Губ. Ведомости» и «Справочный Листок» спрашивают: кто получил эту мзду? «Южный Край» тайного советника и кавалера Юзефовича упорно молчит об этом происшествии. Знает кошка, чье мясо съела.

Уж не в первый раз реакционные органы печати являются органами одурачивания публики в интересах подкупивших их банкирских воротил. Честная же и независимая печать не раз подвергалась цензурным взысканиям за «несвоевременное» разоблачение разных финансовых секретов наших плутократов. Это обстоятельство, конечно, не помешает апостолам самодержавия фарисейски воздыхать: «благодарим тебя, боже, что ты создал нас не такими, как эти грешники — западно-европейские журналисты» и уверять, что отсутствие свободы печати имеет целью «нравственное оздоровление общества».

вопросов — вящее их затемнение профессорской болтовней, скользящей по поверхности и оставляющей в стороне самые жгучие пункты; вместо какого бы то ни было содействия развитию самосознания рабочих — внесение ненаучных представлений (пример — о поштучной плате, о свободе договора, об ответственности предпринимателей). Словом, камень вместо того духовного хлеба, за которым рабочий обращается к людям науки!

Скажут: иначе нельзя говорить в условиях легальной деятельности. Если так, если это верно, то лучше вообще не говорить. Бывают положения, при которых молчание является последним гражданским долгом.

Мы не можем требовать от людей официальной науки, чтобы они мыслили, как социалисты, чтобы они проповедывали рабочим путь революционной борьбы. Мы знаем, что в оценке положения рабочего класса и средств к его улучшению гг. Дэны и Вормсы должны расходиться с нами. Поэтому мы не можем претендовать на них за то, что они стремятся загнать рабочее движение в русло взаимопомощи и кооперации. Но мы можем требовать от их дальновидности, от их политического такта, чтобы они не спешили приступать к этому делу при таких условиях, когда даже неподозрительные люди должны будут задать себе вопрос: а по-

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

В ЦАРСТВЕ МОРОЗОВЫХ.

Из Богородска (Моск. губ.) нам пишет местный рабочий:

Есть, конечно, в России рабочие центры: как-то: Спб., Москва, Варшава, Киев, Харьков, где рабочие живут культурной жизнью, где социализм находит себе пути, улицы и проулки к жилищам рабочих; там есть много сознательных рабочих, и они делают свое дело, которое становится все тверже и могучее. Там есть интеллигенция, которая способствует этому движению... Но есть еще в России такие рабочие центры, куда прямые пути для социализма затруднены, где культурная жизнь искусственно и усиленно задавливается. Там рабочие живут безо всяких культурных потребностей, и для их развлечения достаточно одна водка, продаваемая хозяином (теперь казенная монополия) да балалаечник или плясун из рабочих. Такие места напоминают стоячую воду в небольшом озере, где вода цветет, и цвет садится на дно, образуя вязкую грязь, которая втягивает в себя все, что на нее попадет. К такой категории можно причислить и Глуховскую мануфактуру (около Богородска). Тут культурной жизни почти нет, и трудно ей на первых порах упрочиться, если только удастся зародиться. Интеллигенция тут отсутствует (употребляю «интеллигенция» условно: чиновники и т. п. с цензом образования не есть еще интеллигенция, это только глаженная, клейменная публика — «благонадежный»), рабочие культурные очень редки, а чуть который начинает чувствовать гнет, то выбывает; поднадзорный попасть сюда не может, а потому никакой литературы тут нет, ни легальной, ни нелегальной. Если рабочий попадет сюда из большого города и вздумает вести пропаганду, то он скоро навлечет на себя внимание администрации, а она дела вершит скорее полевого суда: немедленно рассчитывает и удаляет из хозяйских помещений. Мы хотим здесь описать эти самые хозяйские помещения.

Наш фабрикант Захар Морозов содержит мужскую (холостую) артель чел. 800, да такую же женскую; сверх

чему эту пропаганду терпят московские власти? и в каком отношении эта терпимость стоит к «социальной политике» тех наших государственных мужей, которые уже начали признавать, что одним грубым насилием рабочих не отвлечь от социализма?

Гг. московские профессора должны будут сами пенять на себя, если «рабий язык» их бесед наведет рабочих на мысли о политической недоброкачественности их «социально-реформаторских» затей.

Что касается социал-демократии, то ее дело — воспользоваться для своей агитации всем тем богатым материалом, который уже доставили и еще доставят «беседы» либеральных профессоров.

[Л. Мартов]

того казармы для семейных. Артель (мужская) занимает целую трехэтажную казарму. Хотя помещение и отапливается паром и есть там и вентиляция, но это мало может улучшить положение рабочих. Размещены рабочие настолько тесно, что такой тесноты нельзя встретить ни в солдатской казарме, ни в больнице, ни в тюрьме... Кровать — широкая, в 2 аршина — посередине вдоль разделена высокой доской, что служит границей для каждого; на ней два тюфака или два набитых мешка. В общем, в каждом отделении помещается больше ста человек. Расстояние между кроватями 1 арш., около головы стоит маленький стол, в нем два ящика, в которые владельцы кладут свою одежду, чай и сахар. Сундуки имеются не у всех. Табуреток, стульев или скамеек нет совершенно, и сидеть можно только на кровати. Если рабочие в сборе, то в каждом месте образуются четыре головы, и разговаривать нет возможности, чтобы не слышали соседи.

Помещение в казармах считается бесплатным, но за него производится вычет в размере 2 коп. с заработанного рубля и 3 коп. для семейных.

В безобразном состоянии находятся в казармах отхожие места, не отделенные от жилых помещений капитальной стеной. В нижнем этаже рядом с отхожим местом находится столовая. Так как чистку отхожих мест компания старается производить возможно реже, то можно представить себе, как отражается на столовой такое соседство.

В 1899 г. рабочие потребовали себе более свободного помещения в казармах. Компания согласилась и вывесила таблицу, в которой было показано нормальное кубическое содержание воздуха на одного человека (одна сажень). Но приведя это в порядок, компания вскоре удалила чел. 60 «недовольных» из среды рабочих, и после того норма, указанная в таблице, была опять нарушена.

Казармы для семейных состоят из небольших комнат, в которых помещается по 4—5 семейств, душ по 13—15. Казармы очень грязны, и компания заставляет рабочих оклеивать комнаты обоями на свой счет. В Александровской казарме, высотой с обычный трехэтажный дом, сделано пять этажей, из которых первый более чем наполовину под землей, а пятый представляет простой чердак. В июле этого года компания принялась за ремонт этих казарм, при чем работа производилась так умело, что 13 июля ярус второго этажа рухнул, покрывая собой спящих вниз и увлекая верхних. Мне пришлось видеть, как одна женщина с грудным ребенком еле вылезла из-под балагана; в другом месте вылезал мужчина, держась за окровавленную голову. Дальше нельзя было смотреть: нужно было торопиться на фабрику.

Харчи в казармах ужасно скверные, и человеку, прожившему в большом городе или в семье на фабрике, противно даже идти на кухню; часто голодный продолжает голодать, но воздерживается идти обедать. А между тем харчи обходятся очень дорого: в постные дни 3 р. 50 к. — 4 р. на человека в месяц (дают только кислые щи да кашу), а в скоромные 4 р. 50 к. — 5 р. за то же самое и $\frac{1}{8}$ ф. говядины. Да это неудивительно, если взять во внимание ужасную дороговизну в лавке Захара Морозова: так, хлеб очень скверный, сырой или перепеченный, стоит 21 к. за 10 ф., масло подсолнечное — 18 к. за фунт (а в городе 11—13 коп.), при чем всегда бывает прогорклое: мясо стоит 15—18 коп. фунт, вместо 11—13, и так на всяком продукте Захар Морозов наживает 25—30%. Беря с нас по 2 коп. с рубля за помещение, Морозов наживает в год с одной мужской артели 2.300 р., да на харчах в месяц с человека по 1 руб., всего в год 9.600 руб., итого с одной мужской артели он взимает круглым счетом около 12.000 р. Когда в 1899 г. мужская артель вознегодовала на харчи, требуя их улучшения и чтобы припасы покупались не в хозяйской лавке, то хозяин кричал рабочим: «Я нарушу жилое помещение, уходите тогда на вольные квартиры».

Харчами заведуют двое старост; когда-то они были избраны на эту должность и продолжают на этом основании оставаться старостами, хотя рабочие ими очень недовольны. Когда недавно трое рабочих заявили неудовольствие против старост, то все трое были тотчас же уволены.

* * *

Фабрично-рабочий квартирный вопрос в Орехово-Зуеве. Кому неизвестно, что в больших городах квартирный вопрос для рабочих — вопрос первостепенной важности, и если высока заработная плата, то там квартирный вопрос приносит массу разных неприятностей, массу страданий, болезней, скученности и непристойности жизни. Как на-зло для рабочих, чем больше дорожают квартиры, чем дороже приходится платить за квадратный аршин комнаты, — тем устройство комнат хуже. Отсутствуют всякие удобства для жизни рабочих, не берется во внимание никаких соображений, за исключением наибольшей наживы на каждом вершке площади пола.

В нашем местечке население росло и продолжает расти очень быстро, но хороших больших домов не было, нет и посейчас. Хотя каждый год новых домов строится очень много, но они строятся очень спешно, на скорую руку, кое из чего и кое-как. Все держится на гвозде и гвоздик; для отопления 14—15 комнат ставится одна печь или маленькая трехрублевая железная печка, от которой идут трубы (кровельного железа) по всей квартире; такая топка и трубы не могут хорошо обогревать квартиры, и потому квартира суха только летом; зимой же от сырости одежда портится и, намокши, не просыхает целыми неделями, а у живущих болит голова... Комнаты отгораживаются одна от другой живой перегородкой из самых тонких досок. Часто доски употребляются из больших ломаных бочек или ящиков, и между досками можно просунуть палец в другую комнату. Местами щели бывают более внушительные. Обои мало где можно встретить, и если у какого рабочего и есть, то таковые он купил на свои деньги и сам же оклеил комнату. Занавеси у окон более часты, что много скрашивает вид комнаты. Попадают, конечно, и более привлекательные комнаты, но это редко. Благоустройство квартир много терпит от отсутствия свободного времени у хозяйки комнаты, так как она работает на фабрике не меньше часов, чем и ее муж. Перегородки всюду делают не до потолка и, по выражению домовладельцев, делается это в интересах гигиены: тогда, мол, воздух одинаков во всей квартире и равномерно распределяется теплота по комнатам. Беря все вышеуказанное, можно утверждать, что во всем примерно Зуеве с несколькими тысячами населения нельзя найти комнаты, в которой 2—3 человека разговаривающие не были бы слышны в следующих комнатах. А это стесняет до невозможности какую-либо организаторскую или пропагандистскую деятельность. Собраться 5—6 чел. в одной комнате нельзя, благодаря устройству и размерам последних.

Квартиры год от года в ценах все росли и росли, что вызывало большое неудовольствие со стороны рабочих, и они постоянно обращались к хозяевам и делали заявления о квартирных деньгах. Хозяева платят каждому рабочему и работнице на одной фабрике 1 р. 50 к., а на другой — 2 р. в месяц квартирных денег. Последний платит по 2 рубля, благодаря настойчивости рабочих, которые этого добивались. Но если кто живет на хозяйской квартире, то тому, конечно, никаких квартирных денег не полагается. Если рабочий, живущий на вольной квартире, получает 2 руб., а жена 1 р. 50 к., то они много должны доплачивать, а если оба работают у хозяина, платящего 1 р. 50 к., то и совсем мало, так как комнат за 3 р. 50 к. мало, а больше от 4 р. 50 к. и дороже, вот почему всякий мечтает о хозяйской квартире, тем более, что частные квартиры отстоят на очень большом расстоянии от фабрик.

Теперь перейдем к другой стороне квартирного вопроса. Именно, как на этот вопрос посмотрели сами фабриканты? как отражается их вмешательство? каков образ действий их в этом вопросе и как сами рабочие смотрят на квартиру в хозяйском помещении? Известно, что издавна для хозяев наш брат рабочий представлялся чем-то вроде полуживотного (как оно обстоит и сейчас у подрядчиков строительных работ — плотников, каменщиков, мостовщиков, извозчиков; на кирпичных заводах, на железных дорогах у землекопов и т. п., и потому квартира от хозяина давалась очень скверная, тесная и грязная. В Орехово-Зуеве...

хове есть еще старые казармы, и они против новых кажутся очень жалкими, живется в них скверно, но все же их еще не ломают, а стараются заполнять холостыми артелями: это самые худшие казармы; они наполовину из кирпича, наполовину из дерева. Но теперь есть очень много казарм, выстроенных по последнему слову технической и инженерной науки. Конечно, выстраивая такие казармы, хозяин руководствовался личными интересами. Ведь понятно для каждого, что, не возводи он казарм, цена за квартиры повысилась бы раза в два, и рабочие тратили бы массу времени на ходьбу (во всех казармах живет тыс. до 20, если не больше). А раз цены повысились на квартиры, то и выдачу квартирных денег пришлось бы увеличить. И, взявши наименьшую цифру рабочих в 12—13 тысяч и выдавая им по два рубля, это составит около 25 тыс. в неделю, а в год выйдет очень внушительная сумма, которую хозяин должен был бы выкидывать. Между тем, выстроивши казармы, хозяин надолго освобождается от новых расходов. Построены же казармы на сотни лет — так внушительно и солидно.

Вот как обстоит дело в образцовых казармах. Можно о них сказать, что они очень хороши для фабрично-рабочего люда (мы, конечно, знаем, что мастеровой с юга или Петербурга нашел бы не только неудобными, но и очень скверными и именно «казармами»); они снабжены водопроводом, хорошей водой; комнаты и коридоры оштукатурены и выкрашены в белый цвет, окно в комнате широкое и больше сажени в вышину, хорошо проведено паровое отопление как в коридорах, так и в комнатах, всегда есть достаточно готового кипятку, хорошая деревянная кровать и т. п. Значит, в гигиеническом отношении все обставлено как будто хорошо и позаботились об удовлетворении некоторых потребностей фабричного люда. Но в бочку меда влили не одну ложку дегтя. Во-первых, комната по размеру очень порядочная (около 3-х саж. в длину, около 5 арш. в ширину и почти две сажени в вышину), но она служит не для одного семейства, а для трех. Размещаются они следующим образом: два семейства по бокам комнаты по кроватям и третье семейство на полотах. Полоты, правда, большие, и человек может стоять на них, не ударяясь в потолок, и потому полоты представляют воздушную комнату. Внизу оба семейства располагаются вдоль, каждое в своей половине комнаты; и так размещены не тысяча, а больше десятка тысяч. Такие условия порождают массу неудобств и неприятностей, и соседи в одной комнате часто вздорят между собой и даже дерутся. Случается, что какой-нибудь член семейства бывает не чист на руку (крадет), что слишком неприятно для совместного сожительства. Во-вторых, зоркое око хозяйских шпионов и полицейских (открытых и тайных; тут же живут и шпионы от жандармов) наблюдает за рабочими в казармах, а администрация старается предписывать рабочим, в какие часы и что делать. Так, придя с работы, всякий должен ложиться спать, и за этим наблюдают. В-третьих, рабочим строго воспрещается собираться кучками в коридорах, проходах, комнатах и даже в отхожем месте и рассуждать о чем-либо, хотя бы даже собравшиеся и говорили вполголоса. И если нельзя придаться к ним на основании общественной тишины, то придурятся на основании общественного порядка. В-четвертых, никто не имеет права читать вслух ни газету, ни книжку и даже нельзя читать вслух у себя в комнате и безграмотному соседу. В-пятых, воспрещается какая-либо игра; даже живущие в одной комнате должны спрашивать нечто вроде разрешения у соседа, чтобы, напр., курить табак. Воспрещается по вечерам сходить и останавливаться вне казармы и внутри ее.

И все же, несмотря на такого рода притеснения и полицейские строгости, люди положительно прикреплены к этим помещениям. И это понятно, — ведь вольные квартиры много, много хуже, и приходится еще доплачивать. Понятно, что живущий на вольной квартире постоянно мечтает о хозяйской и постоянно завидует уже там живущим... Возводя новые казармы, хозяева подорвали всякую инициативу (начиная) у вольных хозяев в Зуеве, никто из них не отваживается на постройку нового каменного здания, опасаясь, что хозяева выстроят еще одну, две казармы, куда перейдет на жительство больше тысячи в каждую, и потому его дом будет пустовать. Этот страх

заставляет их отказаться совсем от постройки или же они строят дома такого сорта, как было выше описано.

Орехово-Зуевцы.

* * *

От редакции. Описанные квартирные условия в Ор.-Зуеве и Богородске достаточно характерны для всего Центрального фабричного района, где «казармы» преобладают над вольными квартирами. Эти условия, порожденные возникновением наших фабричных центров вне крупных городов, продолжают существовать несмотря на то, что русский рабочий уже перерос ту недостойную человека квартирную обстановку, в которой держат его гг. Морозовы и другие московско-ивановские фабриканты. Из корреспонденции достаточно видно, как вредно подобные условия отражаются на ходе социалистической пропаганды и культурного развития рабочих.

Безобразное устройство фабричных казарм и патриархально-полицейский строй жизни в них могут быть устранены только улучшением фабричного законодательства, упорядочением фабричной инспекции и свободой самостоятельности рабочего класса, свободой стачек, союзов и собраний. Против того зла, которое создается скученностью рабочих в местечке, неприспособленном к быстрому росту пришлого населения, могло бы бороться городское самоуправление: постройка за городской счет хороших домов с дешевыми квартирами может ослабить скученность населения в хозяйских казармах и непомерное возрастание платы за них. Но конечно, не от теперешнего же местного самоуправления, находящегося в руках тех же фабричных воротил, мы можем ждать таких реформ: их даст только действительное самоуправление всего городского населения, при котором рабочий станет хозяином в том городе, богатство которого создается его трудом. Но хозяином в городе он станет не ранее, чем когда добьется участия в ведении общегосударственных дел. Действительное городское самоуправление для «низших классов» будет достигнуто только при политической свободе.

Возмутителя поймали! В Орехово-Зуеве на фабрике известного столпа отечественной промышленности Саввы Морозова обнаружен опасный возмутитель. «Непокорный слуга оказался у нас на фабрике,—пишут нам оттуда, — и настолько непокорный, что вздумал защищать человеческие потребности рабочих, а не интересы фабрикантов, как это делают разные прохвосты мастера и подмастерья». Дело было так: по распоряжению мастера ткацкой фабрики рабочих лишили кипятку для чая. Смотритель, узнав об этом распоряжении, заявил мастеру: «Так поступать с народом нельзя потому, что народ привык к чаю утром». «О таком возмущении ночной мастер передал денному», который, вызвав смотрителя, сказал ему: «Как смотритель, ты должен защищать интересы хозяина, а не рабочих, которым ты должен внушить, что они хорошо могут работать и без чая». Смотритель ответил: «Разве я какой-нибудь деспот, чтобы маскировать себя перед народом? Я этого никогда себе не позволю, тем более, что я хлопочу не лично для себя, а для народа».

Так как в Российском государстве «хлопотать для народа» есть великое преступление, то смотрителя, конечно, тотчас же уволили. А фабричный инспектор Напалков, к которому обратился уволенный, сказал, что он не может насильно заставить фабричное начальство держать, кого оно не хочет.

Фабричной инспекции предоставлено право вмешиваться в те происшествия фабричной жизни, которые могут привести к столкновениям между рабочими и фабрикантом. Но конечно, лизоблюдничать у г. Морозова дело менее хлопотливое, чем вступить за уволенного служащего, который старался своевременно предотвратить возникновение «беспорядка» среди рабочих.

Посещение министром Владимирского фабричного района. Министр Сипягин побывал на многих фабриках и уж, конечно, его водили только по хорошим фабрикам. Да и вся поездка напоминает хорошую, приятную прогулку: всюду министра встречали с хлебом-солью, после чего, разумеется, происходил хороший обед, и, клонувши изрядно, прощались. Для того, чтобы показать, что на русских фабриках порядки образцовые и живется очень хорошо, всюду за неделю и раньше приводилось все в порядок, мылось, чистилось, притиралось, пушталась в ход вентиляция. Словом, было покрашено, подчищено, истрепали несколько десятков лишних метел и мели там, где год или больше не показывалась метла. Был отдан приказ, чтобы все подмастерья, смотрителя и другая администрация оделись в крахмальные рубашки, подчистились, подбрились. Чтобы рабочие не оказались в рваных подштанниках, был назначен бдительный надзор. Заодно, конечно, воспретили строго-настрого, дабы рабочие не вздумали собираться и не отходили бы от своих станков. Разумеется, это делалось не без задней мысли, дабы рабочие не подумали бы потревожить благодушествовавшего министра. Читая сообщения о путешествии министра в нашей вшивой прессе, которая настолько уподобилась нашим полицейским, что точь-в-точь повторяет их рапорты: все обстоит благополучно, так точно, образцовые порядки, особая заботливость о рабочих и т. п., читатель не найдет даже намека на какое-либо злоупотребление или недовольство. Хотя перед приездом министра были пущены в ход нагайки (см. корр. из Вичуги), но вот что говорил сам министр. в той же Вичуге, одному фабриканту, когда заметил, что рабочие спят в сарае, сколоченном на живую руку: «Я не мог и мысли допустить, чтобы в России фабричные рабочие жили в таких помещениях». И хотя после отъезда министра сарай был сломан, но мы не думаем за это воскурить ему фимиам: это капля в море и притом случайная. Опростоволосались фабриканты и не скрыли заранее. Министр же, идя, не знал, что там так плохо, иначе он и не пошел бы, как он всюду старался избегать плохих казарм и смотрел только хорошие. Так, в Иваново-Вознесенске фабриканты такой оплошности не сделали, они показали самую лучшую казарму, и министр остался очень доволен. Разумеется, он очень доволен, что может при случае сказать о виденной казарме и взвалить вину на рабочих за их «чрезмерные требования».

Приехавши в Орехово на морозовские фабрики, Сипягин всюду видел чистоту: там перед его приездом все красилось, чистилось, мылось, как никогда. А на самой фабрике полометы целыми днями мели фабрику и обмахивали стены, чем, разумеется, вызывали остроты рабочих... Пройдя по фабрике, Сипягин возымел желание взглянуть на житье рабочих вне фабрики. Администрация это предвидела, и потому заранее был дан приказ в казарме, где живут подмастерья, смотрителя и разная мелкая сошка, чтобы комнаты были прибраны и приведены в порядок, так как их будет осматривать министр. И конечно, жители последних постарались нарядить комнату получше, да и могли ли они этого не сделать? Все, что было лучшего в укладках (сундуках), было извлечено. Но все же прошло не все гладко; так, из одной каморки старушка ушла в лавку, а оставшиеся дети вздумали поиграть да и побросали игрушки по полу, а тут министр пришел посмотреть, и вот за такой беспорядок администрация решила выселить живущих на вольные квартиры, но пока своей угрозы не привела в исполнение. Пройдя по этим каморкам, Сипягин хотел подняться этажом выше, где живут уже на самом деле рабочие и живут не по одному семейству, и аккуратности этой встретить там было нельзя, и все обаяние от виденных первых каморок пропало бы безвозвратно. Поэтому администрация не дремала и постаралась уверить министра, что каморки строились по одному плану и жители во всех каморках одинаковы, да и к несчастью владельцы таковых все на работе и, значит, каморки заперты. Словом, врал, как могли, и вышло, что при всем желании угодить они не имели возможности показать! И Сипягин повернул вспять, уверенный, что ореховские рабочие живут прекрасно. Но мы повторяем, что он не видел, как живут рабочие, хотя и об'ехал несколько губерний. Он только посмотрел хорошие казармы да отдельные ком-

наты, где живут разные забегалки. Большинство рабочих живет не там и не при таких условиях.

Было бы не безынтересно знать министру, как на его приезд посмотрели рабочие. По этому поводу рабочие выражались несимпатично для министра. И именно: большинство толкующих рабочих говорили уверенно, что министр приезжал за брюками. И уж если такие авторитетные лица, как министр, не пользуются доверием местности, то что можно говорить о каком-либо фабричном инспекторе, бесчестность и подлость которого, к слову сказать, подтвердилась на-днях самым недвусмысленным образом.

После отъезда министра ив.-вознесенские фабриканты вздумали облагодетельствовать своих рабочих и, не откладывая дела в долгий ящик, вскоре роздали рабочим бесплатно воззвания, напр. «Доброе слово к русскому народу». А так как мы, рабочие, знаем, что у наших фабрикантов всякое доброе слово подкрепляется матерщиной, то побивались, как бы и в воззвании не вычитали матерщины. Страх оказался напрасным, ибо тут говорится все очень хитро и гладко: так в каждой строчке лиса и торчит. Всего больше тут советов, как-то: работать для хозяина, не покладая рук и не жалея живота, почитать власти, молиться за них богу, подчиняться властям, так как им власть дана от самого бога, и все в том же роде. Конечно, фабрикантам не удастся своими воззваниями прекратить рост самосознания рабочих и заставить верить нас в написанную чушь.

Вичуга (Костромской губ., около Ив.-Вознесенска). Фабрика Коновалова в Каменке. У нас на фабрике, благодаря терпению рабочих, происходили и происходят разные притеснения и незаконные прижимки. Администрация фабрики, чувствуя в последнее время недовольство рабочих, вздумала парализовать его посредством повышения зарплаток некоторым прихвостням и подлипалам рабочим, но это в конце концов вызвало еще большее недовольство. Произошла забастовка. На первых порах администрация вздумала достигнуть прекращения стачки уравниванием зарплаток всех рабочих. Для этого она сократила зарплатки у прихвостней, которые зарабатывали проц. на 20 больше, но это только увеличило количество примкнувших стачечников. Произошла стачка перед приездом министра Сипягина (в конце мая) и потому, желая поскорее покончить со стачкой, Коновалов писал исправнику, что его (исправника) дело прекратить стачку. К этому времени стачечники требовали: 1) прекращения незаконного взимания процентов с рабочих; 2) выдачи обратно всей суммы взимаемых процентов; 3) установление двухчасового перерыва на обед. Приехали вице-губернатор и исправник и отправились прямо к Коновалову; напившись, пьяные призвали к дому фабриканта рабочих, а также казачков. Пьяный вице-губернатор еле выполз говорить с рабочими и прямо набросился на них с руганью: «Что вам, подлецы, надо? В нагайки их, подлецов!» И нагайки зашвыряли.

Хлещет неистово варварский кнут!

Там и сям слышатся стоны мирных безоружных рабочих, а вице-губернатор с исправником и фабрикантом хочут, надрывая животы от такой возмутительной картины...

Долго ли рабочие еще будут переносить такие над собой поругания? Пора образумиться и перестать верить, что царь-батюшка есть защитник рабочих! Нет, все эти вице-губернаторы, исправники действуют с его согласия и по его приказанию, и всюду, где ходит по головам рабочих нагайка, они должны давать отпор. Когда мы перестанем просить, а станем требовать, когда перестанем подставлять под нагайку спину, а встретим нагайку ломом, дубиной, огнестрельным оружием; когда перестанем видеть в царя своего заступника, — только тогда с нами будут поступать не по-азиатски, как в Вичуге. Пора, товарищи, давно образумиться!

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

Письмо второе.

Каково же было положение и настроение различных фракций социалистической партии перед лионским конгрессом? Самая сильная и дисциплинированная фракция — Французская Рабочая Партия (гедисты) — покинула ряды объединенной партии, но продолжала поддерживать тесные отношения с оставшимися в ее пределах бывшими бланкистами и «Коммунистическим Союзом». Эти три организации, оставшиеся верными традициям революционного социализма, естественно, сблизились, забыв все старые раздоры, как только в партии открыто стали проповедывать теорию сотрудничества классов. Оставаясь в рядах объединенной партии, бланкисты и Коммунистический Союз рассчитывали постепенно привлечь на свою сторону все те элементы, которые очутились в рядах приверженцев «новой методы» вовсе не потому, что сами были ее последователями, а потому, что им казалось, что, будучи в этих рядах, они скорее достигнут полного объединения партии, или же потому еще, что целый ряд столкновений и недоразумений, оставленных в наследие прошлым, заставил их выйти из старых организаций. Но бланкисты открыто, в печати, заявили, что, если им не удастся окончательно изгнать из партии оппортунизм Мильерана и Жореса, они предпочтут формальный разрыв.

Противоположный лагерь состоял из: 1) поссибилитов, 2) аллеманистов и 3) независимых.

Поссибилиты и аллеманисты представляют собой в настоящее время жалкие остатки некогда довольно многочисленной и влиятельной партии. Товарищи, конечно, помнят, что в 1882 г. произошел первый крупный раскол в рядах французской социалистической партии. Здесь не место останавливаться подробно на причинах этого раскола. В общем он произошел на почве тех споров, которые в известный период можно наблюдать в истории социалистических партий почти всех стран, на почве столкновений между «практиками» и теми, кого они называют «сектантами», «мечтателями», между последователями политики «непосредственных результатов» и теми, кто понимал, что в такой стране, как Франция, где мелкая буржуазия столь многочисленна, еще более, чем в какой-либо другой стране, необходимо отстаивать самостоятельное существование партии пролетариата и укрепить в нем сознание его исторической миссии. В конце концов произошло то, что можно наблюдать и в других странах: те, что говорили «от имени рабочих», которые-де не могут удовлетвориться «прекрасными теориями» мечтателей, которых можно привлечь в ряды социалистической партии, лишь показав им, что она умеет добиваться непосредственного улучшения их положения, постепенно теряли приверженцев именно в рядах рабочих, от имени которых они выступали, между тем как «сектанты», с каждым годом увеличивая свое влияние во всех промышленных центрах Франции, превратились в самую многочисленную и самую

сознательную фракцию французского пролетариата. Ослаблению поссибилитов содействовал новый раскол, который, в конце концов, должен был неизбежно произойти. После раскола 1882 г. за поссибилитами последовали почти одни только организации, существовавшие в Париже и группировавшиеся рядом с чисто-рабочими элементами всевозможных представителей господствующего во французской столице мелкобуржуазного населения. «Политика непосредственных результатов», которая при тогдашнем распределении общественных сил во Франции, никаких «положительных» результатов рабочему классу, в сущности, давать не могла, выражала не нетерпение, с которым рабочие якобы ожидали материальных «осязательных побед», а жажду некоторых их вожakov поскорее добиться влиятельного политического положения, их неспособность к планомерной работе, рассчитанной на довольно продолжительное время. Больше того, эта политика непосредственных результатов, при тогдашнем соотношении политических сил (когда рабочие могли стать силою, способною добиваться даже непосредственных уступок от буржуазии, лишь организовавшись в самостоятельную революционную партию, что блестяще доказано было последующими событиями), должна была фатально свестись к политике антирабочей по существу. И действительно, в 1890 г. в лагере поссибилитов происходит новый раскол, при чем все рабочие элементы выделяются во фракцию аллеманистов (по имени их вожака — Аллемана), а за Бруссом (отсюда их кличка — бруссисты) последовали одни лишь мелкобуржуазные элементы. Последние с тех пор влечат жалкое существование, теряя одну группу за другой, которые рассеялись по разным организациям или перешли в ряды независимых. Сейчас вся фракция бруссистов представляет собой небольшой штаб из нескольких старых вожakov, лишенных какой бы то ни было армии. Аллеманисты, отделившись от бруссистов, представляли собой несколько лет довольно солидную организацию, которая, однако, в виду самого состава ее членов, осуждена была на скорое исчезновение. Дело в том, что после этого раскола в их рядах очутились почти все парижские рабочие синдикаты, и так как в 90-х годах профессиональное движение во Франции делает довольно значительные успехи, то фракция аллеманистов в течение некоторого времени не переставала разрастаться. Этой-то по преимуществу профессиональной организации Аллеман и его товарищи стремились придать характер политической партии, но почва для такого превращения оказалась, конечно, как нельзя менее благоприятной. Не останавливаясь на многих разных противоречиях, которые можно было наблюдать в программах и деятельности этой партии, отметим лишь, что как средство против всех зол она, в конце концов, выставляла «всеобщую стачку». Но со второй половины 90-х годов во Франции, вслед за Германиею, начинается процесс сплочения синдикатов и их выделения в общую самостоятельную профессиональную организацию (Confédération générale du travail). Этим нанесен был смертельный удар фракции аллеманистов. Синдикаты покинули их ряды, мелкие расколы довершили остальное, некоторые группы перешли к бланкистам, другие выделились в самостоятельную организацию — упомянутый выше «Коммунистический Союз», так что сейчас

аллеманисты обладают кое-какими силами в одном лишь 11-м избирательном округе Парижа.

Таким образом, главную, если не единственную, силу мильеранистов и жоресистов составляют так наз. «независимые». Что же представляют собой эти последние? Когда в начале 90-х годов начался процесс сплочения социалистических организаций, независимыми стали называть всех, кто не принадлежал ни к одной из старых социалистических организаций. Независимых ничто не объединяло тогда; у них не было никакой определенной физиономии. Правда, лишь в рядах независимых можно было встретить таких «социалистов», которые, как мы видели в предыдущем письме, не признавали ни принципа классовой борьбы, ни коллективизма, ни интернационализма; правда также, что именно к «независимым социалистам» уходили все те крайние радикалы, которые об'являли себя «социалистами» потому только, что им не нравилась сонливая, бездеятельная радикальная партия; но рядом с этими буржуазно-демократическими элементами в рядах независимых числились и искренние, сознательные социалисты-революционеры, которые, по тем или другим причинам, покинули старые организации, либо не присоединились к ним, полагая, что таким образом содействуют скорейшему об'единению социалистических сил в одну партию. Можно даже сказать, что до поры до времени именно эти последние задавали тон среди независимых, тем более, что речь Мильерана в Saint-Mandé, очистившая, как мы видели, парламентскую фракцию от буржуазно-радикальных элементов, удалила их отчасти и из рядов независимых, где вообще прислушивались к голосу вожakov старых организаций. Но с течением времени, по мере того, как усиливались об'единительные тенденции, в рядах независимых росло недовольство по отношению к старым организациям, которые, дорожа результатами, достигнутыми ценою стольких усилий, очень осторожно шли к об'единению. Резкую границу между независимыми и старыми организациями впервые провело дело Дрейфуса, Между тем как старые организации, после некоторых колебаний, выступили приверженцами политики нейтралитета, некоторые вожаки независимых, с Жоресом во главе, требовали энергичного вмешательства партии. Между старыми организациями и независимыми установились прямо враждебные отношения, и последние находили себе опору не только в симпатиях, которые публично выражали им социалисты всего мира, но и в тех новых силах, которые со всех сторон к ним стали стекаться. «Социализм» снова вошел в моду, но тогда как в 1896 г., по требованию старых организаций, программой Saint-Mandé проведена была резкая граница на правом фланге социалистической партии, теперь независимые, предоставленные самим себе, быстро шли по наклонной плоскости и скоро договорились... до сотрудничества классов. Мильеран стал министром, но и, будучи министром, не переставал заявлять, что остается верен программе Saint-Mandé. Оказалось, что «борьба классов», «коллективизм» и «интернационализм» вовсе не так страшны, что под их знаменем мирно уживается самый обыкновенный оппортунизм, — и к независимым снова хлынули все те, которые с таким «патриотизмом» покинули их в 1896 г., после речи в Saint-Mandé. Но вступление Мильерана в министерство послужило, как известно, причиной созыва однодневного

конгресса 1899 г., который и вотировал об'единение, при чем на некоторое время старые организации сохранили автономию, а независимые обязаны были об'единиться в особую организацию. Это об'единение независимых вскоре и произошло, при чем в каждом департаменте образовались «автономные федерации», об'единившиеся лишь «генеральным комитетом» партии, в котором заседали представители, избранные старыми организациями и автономными федерациями.

Вопрос об оппортунизме Мильерана и Жореса затемнялся и как бы отодвигался на задний план вопросом об об'единении. Ненормальность положения, при котором Мильеран, посоветовавшись лишь с несколькими своими последователями, мог так связать свою партию, бросилась всем в глаза, и необходимость об'единения стала очевидной для всех. Со всех сторон стали требовать, чтобы его немедленно осуществили, но старые организации требовали теперь еще большей осторожности, требовали гарантии против поднявшего голову оппортунизма. Мильеранисты и жоресисты ловко пользовались этим положением, выступая страстными защитниками идеи полного об'единения и выставя старые организации ее единственными противниками. Независимые поэтому сплотились вокруг жоресистов на почве об'единительного движения. Но вместе с тем нужно признать, что вступление Мильерана в министерство вызвало вначале сочувствие как среди профессиональных рабочих организаций, так и среди огромнейшего большинства независимых. И в самом деле: республика «была в опасности» и либеральная буржуазия нуждалась в поддержке рабочего класса. Рабочие синдикаты на время перестали преследоваться правительством, им легче стало дышаться, фабричная инспекция стала требовать соблюдения законов, впереди заманчиво сиял длинный ряд «великих социальных реформ», которым загодя пели гимны в ежедневной социалистической прессе, которая вся была в руках мильеранистов. Независимые и рабочие из профессиональных организаций заняли выжидательное положение, с нескрываемым сочувствием следя за первыми шагами «министра-социалиста». Известно, как министр ответил на ожидания рабочей массы. Ткачи в Калэ, портовые рабочие в Марсели, углекопы в Монсолэ-Мин и др., увидели на практике все прелести «нового метода», а профессиональный рабочий мир с негодованием отвергает «великие реформы» апостола «социального мира».

В настоящее время огромное большинство рабочих враждебно мильеранизму и жоресизму, а остальная часть относится к нему индифферентно: и среди независимых приверженцами теории сотрудничества классов являются только несоциалисты, — те, что хлынули в партию, когда увидели, что между социализмом новой формации и буржуазным демократизмом нет никакой разницы: все остальные враждебны этой теории; их и жоресистов об'единяет лишь то, что Жорес очень ловко пользуется их желанием во что бы то ни стало добиться об'единения партии.

Таково было настроение различных организаций перед лионским конгрессом. Это был, как известно, экстраординарный с'езд, созванный по решению парижского с'езда 1900 г., со специальной целью — окончательно осуществить полное об'единение партии. Перед самым открытием с'езда Вальян в ряде статей в «Petit Sou»

предупреждал Жореса и его товарищей, что об'единение может осуществиться лишь при том условии, чтобы партия в целом бесповоротно осудила теорию сотрудничества классов, заняло по отношению к министерству Вальдека-Руссо вполне независимое положение, руководясь в своей политике исключительно интересами пролетариата, которые враждебны интересам всех фракций буржуазии, и чтобы принятому в этом смысле решению беспрекословно подчинялись все члены партии. Если же жоресисты не желают принять этих условий, то лучше прекратить разговоры об об'единении и вернуться к прежней системе федеративного соглашения, с сохранением полной автономии существующих организаций, потому что желание во что бы то ни стало провести полное об'единение может привести, при существующих резких разногласиях, лишь к формальному разрыву. Если бы условия Вальяна были приняты, социалистическая партия вышла бы из того тупого псереулка, в который привела ее политика мильеранистов и жоресистов. Жорес предпочел продолжать пользоваться тем рядом недомолвок и недоразумений, на почве которых он группировал вокруг себя независимых. Лионский с'езд, — говорил он, — созван со специальной целью осуществить об'единение; он не имеет права заниматься другими вопросами; что же до участия социалистов в буржуазном министерстве, то вопрос этот уже решен партией принципиально в отрицательном смысле, и он, Жорес, как и его товарищи, подчиняется этому решению партии, т. е. они будут считать изменником всякого, кто впредь без разрешения партии войдет в буржуазное министерство; но т. к. Мильеран совершил свой акт под своей личной ответственностью, еще до того, как состоялось принципиальное решение партии, то последнее на него не распространяется. Жорес, таким образом, сознательно шел на разрыв, в то же время не переставая на словах защищать об'единение, чтобы не лишиться поддержки независимых.

Но, несмотря на все красноречие Жореса, многие организации среди независимых понимали, что, если не устранить главного препятствия к об'единению — вопроса о Мильеране, то с'езд неминуемо завершится расколом. Поэтому они решили во что бы то ни стало поднять этот вопрос на с'езде и решительно покончить с ним. И действительно, в первый же день с'езда было внесено следующее предложение:

«Принимая во внимание, что существенная задача с'езда — устранить препятствия к об'единению социалистических сил во Франции; принимая во внимание, что присутствие в министерстве депутата, некогда принадлежавшего к парламентской социалистической группе, благоприятствует внутренним разделением в партии; принимая во внимание, что этот вопрос об участии в буржуазном правительстве окончательно решен по отношению к прошлому и будущему, но не по отношению к настоящему, —

с'езд заявляет раз навсегда, что Мильеран, сам поставивший себя вне пределов партии, войдя в министерство под своею личною ответственностью и инициативою, не мог связать социалистическую партию, которой он не представляет; и, сверх того, заявляет, что поведение партии по отношению к настоящему министерству должно быть то же,

что и по отношению ко всякому другому буржуазному министерству».

Эта резолюция, подписанная представителями девяти автономных федераций, представителями синдикатов и многими отдельными лицами (что составляет добрую треть всех сил, принадлежащих к независимым), была составлена в столь категорических и не допускающих превратных толкований выражениях, так ясно решала вопрос, бывший в данный момент единственным препятствием к об'единению, что Соц.-Революционная Партия (бывшие бланкисты), Коммунистический Союз и некоторые автономные организации, разделяющие их политику, поспешили к ней присоединиться. «Страстное желание» Жореса и его товарищей — об'единение партии — могло, наконец, осуществиться. Но им нужно было только продолжать играть ту двойственную роль, которая расколола начавшуюся было об'единяться партию, ибо в об'единенной партии они составили бы ничтожное меньшинство, которое не пользовалось бы никаким влиянием... И вот, после долгих переговоров в комиссии, жоресисты предложили небольшую поправку: сохранив весь текст приведенной выше резолюции, они заменили лишь слова «сам поставивший себя вне пределов партии» словами: «поставивший себя вне контроля партии». Т. е. вместо ясного и решительного заявления, что социалист, ставший министром, ничего общего с партией пролетариата не имеет, жоресисты предложили заявить, что такой «социалист» может продолжать министерствовать за свой личный страх, не считаясь тем самым вышедшим из партии. Выходило, что создается новый разряд социалистов «в отпуску», которые за своей ответственностью могут делать все, что угодно, вплоть до измены партии. Понятно, что «сектанты» Вальян и его товарищи оказались достаточно «узкими», чтобы не принять этой «широкой» точки зрения.

[В. Даневич-Гуревич]

ИЗ ПАРТИИ

Мы получили от Центрального Комитета Всеобщего Еврейского Союза следующее письмо:

Многоуважаемые товарищи! Не откажитесь поместить в вашем органе нижеследующее раз'яснение.

В ном. 7 «Искры» появилась заметка о 4-м с'езде Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России («Бунда»). Там автор, «откладывая до другого места обстоятельный разбор позиции, занятой Бундом по национальному вопросу», ограничивается пока несколькими замечаниями о резолюциях, принятых с'ездом по национальному вопросу и по вопросу об отношении к Росс. С.-Д. Р. П. Так как в означенной заметке заключается не мало крупных недоразумений и неточностей, то, во избежание повторения их в предстоящем «обстоятельном разборе», мы считаем необходимым немедленно их раз'яснить. К сожалению, ограниченность места заставляет нас быть весьма краткими.

Прежде всего о «национальной автономии». 4-й с'езд Бунда, как известно, признал, что «государство, подобное России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от территории ими обитаемой». Что такое эта полная национальная автономия, в «Отчете с'езда» вы-

яснено с достаточной определенностью. На стр. 11 можно прочесть: «... с полной автономией каждой из них (национальностей) по всем вопросам, имеющим отношение к национальности (язык, образование, искусство и т. д.).»

Итак, вся остальная громадная масса вопросов, в которых данная группа населения заинтересована не как национальность, а как граждане государства, как жители провинции или обитатели города и т. п., подлежит ведению всех обитателей территориальной единицы без различия национальностей. Считаем нужным это раз'яснить потому, что из разбираемой заметки можно было бы вынести такое впечатление, что автор предполагает, будто с'езд под национальной автономией разумел полное самоуправление по всем вопросам. Иначе, чем объяснить его догадки о будущих самоуправляющихся местечках, «еврейских» кварталах, его толки о большинстве и меньшинстве? Раз национальный вопрос был возбужден, то с'езд, как высшая инстанция социал-демократической организации, иначе не мог его решить. Раз специфически права национальностей попираются в нынешних государствах, Бунд должен был высказаться против такого гнета, а, следовательно, он должен был остановиться на такой форме существования национальностей, при которой, по его мнению, их права могут наиболее верным образом обеспечиваться. Следовательно, спорным мог остаться лишь вопрос о применении всего этого к евреям. Но может ли национальность, сознающая себя таковой, не признавать себя ею открыто, а признавая отказываться от того, что она считает правом всякой другой национальности?

Что касается вопроса, «в каких формах можно будет осуществить эту автономию для миллионов населения, не занимающих сплошной территории, но рассеянных между сплошным населением...», то это теперь в сущности праздный вопрос. Его так же преждевременно теперь разбирать, как и вопрос о формах, в которых осуществится социализм. Во всяком случае, та точка зрения, из которой исходил с'езд, меньше всего подает повод связывать с понятием «национальная автономия» чисто территориальные обозначения. Однако, обосновывая таким образом теоретический свой взгляд на национальную проблему практически четвертый с'езд, отвергнув выставление национальных требований, сохранил ту же позицию, что и третий с'езд, и автор заметки не прав, когда, противопоставляя один другому, он хочет тем сделать более едким укор последнему с'езду. Эта часть резолюции гласит, как известно, следующее: «Считая однако преждевременным выставление при нынешних условиях требования национальной автономии для евреев, с'езд находит в настоящее время достаточным бороться за отмену всех исключительных законов против евреев, отмечать и протестовать против проявления угнетения еврейской национальности, избегая раздувания национального чувства, могущего лишь затуманить классовое сознание пролетариата и ведущего к шовинизму» (стр. 15 отчета).

Предоставляем беспристрастному читателю судить, насколько основательны возводимые автором на Бунд обвинения в «националистических увлечениях» и в «стремлении совершенно искусственно втиснуть еврейское раб. движение в русло национализма».

Перейдем теперь ко второму вопросу — об отношениях Бунда к Росс. С.-Д. Р. П. Автор, к сожалению, при цитировании резолюции не привел заключительных слов ее, имеющих весьма существенное значение и делающих совершенно излишними его дальнейшие рассуждения. Резолюция гласит: «Представляя себе Росс. Соц.-Дем. Раб. Партию как федеративное соединение соц.-демократических партий всех наций, населяющих Российское государство, с'езд постановил, чтобы Бунд, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть и поручает Центральному Комитету Бунда провести это решение в жизнь» (стр. 17 отчета).

Эти последние подчеркнутые нами слова автор почему-то счел нужным опустить и заменить совершенно неуместным здесь «и т. д.». Сделал ли он это из экономии, чтобы выгадать одну строчку? Сомнительно, так как он не пожалел места, чтобы процитировать целиком из отчета изложение дебатов при изложении данного вопроса. А между тем эти пропущенные слова дают ясный для вся-

кого ответ на бросаемое автором с'езду обвинение в незаконности принятого решения. На с'езде был возбужден вопрос об изменении характера отношений Бунда к Партии. С'езд обсудил и решил, что лучше и удобнее Бунду входить в нее федеративной частью, а не автономной, и он поручил Ц. К. провести это решение в жизнь, т. е. внести такое предложение на ближайшем с'езде Партии. «Незаконным» можно было бы назвать образ действия с'езда, если бы он безо всяких околичностей уже признал Бунд федеративной частью. Но он именно этого и не сделал. Не можем тут же не отметить, что в «законности» своих действий Бунд должен отдавать отчет только Центральному Комитету Партии или ее с'ездам, а никоим образом отдельным входящим в ее состав организациям, а тем менее группам, о принадлежности которых к Партии других данных, кроме заголовка на их изданиях, покамест не существует. Автора смутили начальные слова резолюции: «Представляя себе Росс. С.-Д. Р. П. как федеративное соединение...», но из всего сказанного в отчете, а в особенности из вышеупомянутых заключительных слов резолюции (опущенных автором в своей заметке) как нельзя лучше явствует, что с'езд представлял себе Партию федеративным соединением в будущем. То, что надо еще провести в жизнь, очевидно существует пока лишь *in potentia*, в возможности. Ясно далее, что совершенно ошибочны уверения автора, что Бунд фактически выступил из Партии потому-де, что для вступления в нее на федеративных началах надо раньше из нее выступить. Акт «выступления» и «вступления» может совершиться в тот и только в тот момент, когда с'езд Партии примет федеративный принцип и пожелает соответственно ему преобразовать Партию*. Духовная связь Бунда с Партией в программном отношении и реальная связь его с ее комитетами (которая называется жизнью и крайне плодотворна с точки зрения революционного движения, но, увы, быть может, «незаконна») остались и останутся так же крепкими и нерушимыми, как до 4-го с'езда, и заключительный вывод автора, будто бы «первый же шаг (?) на пути открытого выставления принципа еврейского национализма (?) ознаменовался ослаблением организационной связи между еврейским и общерусским рабочим движением», так же неверно, как и все предыдущие.

Что касается других замечаний автора, как, напр., историческая справка его о первоначальных задачах Бунда, апелляция к еврейским товарищам юга и др., то мы принуждены оставить их пока без ответа, т. к. письмо наше слишком растянулось.

Просим другие органы, перепечатавшие заметку «Искры», напечатать также и наше раз'яснение.

29 августа (11 сентября) 1901 года.

Центральный Комитет Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России.

Центральный Комитет хочет нас уверить, что под «полной автономией», которую, согласно резолюции с'езда, должны пользоваться евреи в будущей России, имеющей преобразоваться в федерацию национальностей», — что под этой «полной автономией» подразумевается только «автономия в вопросе об языке, образовании, искусстве и т. д.». Одно из двух: или Ц. К. хочет сказать, что под «полной автономией» с'езд разумел только право печатать газеты, говорить на собраниях и давать театральные представления на еврейском жаргоне, устраивать еврейские школы и т. д. Но в таком случае Бунд сначала должен провозгласить свою «автономию» в деле произвольного упо-

* Однако, четвертый с'езд, для которого отсутствие центрального, связующего учреждения в партии не составляло тайны, и у которого в скором осуществлении столь желанного и необходимого второго с'езда партии не было уверенности, уполномочил Ц. К. Бунда, если окажется возможным и полезным, провести федеративный принцип в жизнь частично (напр., в отношениях между заграницным комитетом Бунда и заграницными русскими соц.-демократическими организациями).

требления слов, имеющих совершенно определенное значение на всех языках, ибо от свободы языка до «полной автономии» еще очень далеко; и тогда незачем было говорить о «федерации национальностей», так как упомянутая свобода языка и культуры не ставит еще национальность в федеративные отношения к другим национальностям. Или же речь шла о признании еврейского языка «государственным» для известной области, об устройстве казенных еврейских университетов и т. п. правах, и в таком случае имеется в виду действительная автономия, имеется в виду нечто подобное «еврейскому царству с собственной полицией, жандармерией, с собственным чиновничеством и с собственным правительством», как иронически выражался Бунд три года тому назад, говоря о ционистах, к которым он теперь так приблизился (см. «Работник», № 5—6, стр. 102). А в таком случае остается уместным поставленный нами вопрос: в пределах какой территории оснуется это автономное «царство»? Превращение России в федерацию национальностей означает выделение каждой национальности в особое — в известных пределах самоуправляющееся — целое, которое по самой сути федеративного строя не может не быть приурочено к известной территории.

Мы очень рады, что теперь Ц. К. Бунда не мечтает о такой автономии. Но так как резолюции съезда говорят совершенно противоположное тому, что утверждает Ц. К., то мы попросим его сначала столкнуться со своей организацией о том, чего она собственно хочет.

Ц. К. нас обвиняет в умышленном пропуске заключительных слов из резолюции съезда, говорящей об отношении Бунда к Партии. Пропуск этот представляется ему столь искажающим смысл резолюции, что он не может воздержаться от намека: не даром, дескать, это сделано. Но так как на самом деле опущенные слова еще усиливают самовластный характер решения съезда, то вся эта попытка набросить тень на нашу добросовестность является покушением с негодными средствами. Никто, кроме Ц. К., не скажет, что слова: «провести в жизнь» известное решение означает: передать на рассмотрение Партии наше предложение. Если мы были правы, говоря, что вопрос о своем положении в Партии Бунд не компетентен решить своею властью, с чем, видимо, соглашается Ц. К., то из этого следует, что Бунд не может никого уполномочить «провести в жизнь» решение, не имеющее законной силы. Одно дело предложение, другое дело — решение. Предложения вносятся на обсуждение, а решения проводят в жизнь, имея на то право. Это толкование не сходится с толкованием Ц. К., но зато оно сходится с законами логики, по отношению к которой «автономии» никому из нас не предоставлено.

С большим остроумием Ц. К. уверяет, что слова «представляя себе Российскую С.-Д. Раб. Партию» и т. д. относятся к будущему времени. Увы! и тут ее величество-грамматика не позволяет делать таких толкований. Если мы, напр., скажем «представляя себе руководителей Бунда людьми, плохо разбирающимися в национальном вопросе», то всякий поймет это как характеристику настоящего, а не будущего, и будет прав. Опять-таки, очень утешительный факт, что Ц. К. хотя бы задним числом старается «смягчить» смысл чересчур уж «энергичной» резолюции. Это показывает, что он испугался последствий того шага, который сделан съездом. Это лучшее свидетельство того, что мы поступили правильно, обратив внимание читателя на эту резолюцию. Остается только вопрос, принимает ли Бунд, как целое, толкование своего Ц. К.

Последний, впрочем, одним примечанием сводит на-нет свое толкование, подтверждая тем самым, что съезд все-таки своей властью изменил взаимные отношения Бунда и Партии. Он рассказывает, что до съезда Партия федеративное начало будет осуществлять «частично» — в отношении органов Бунда к заграничным с.-д. организациям. Однако, до тех пор, пока новые организационные отношения не признаны партией в целом, не может быть и речи об

их частичном проведении в жизнь: ни одна русская с.-д. организация не может без ведома всей партии узаконить те решения, которые сам Ц. К. в своем письме признает имеющими значение только предложений, рассмотреть которые должен съезд Партии. И всякая попытка Бунда воспользоваться временной организационной неурядицей в Партии, чтобы изменить «частично» свое в ней положение, всеми, кому дороги интересы русского движения в целом, будет встречена с тем большим осуждением, чем более невинный характер стараются ей придать.

Почтив нашу заметку пространным письмом, Ц. К. «не может не отметить», что «отчета» в законности своих действий Бунд не должен отдавать никому, кроме Центр. Комитета Партии. Но не только «отчета», но и ответа на нашу заметку, писанную собственно для наших читателей, никто от Ц. К. не спрашивал. Резолюции Бунда, как и всех вообще организаций, подлежат свободному суду печати, и требуется изрядная политическая невоспитанность, чтобы, отвечая на поднятую полемику письмом в нашем же органе, с детским задором заговорить о своем праве не давать «отчета». Да ведь вас никто за это из тюрьмы.

Что касается кивка в сторону неких организаций, которые не представили достаточно данных о своей принадлежности к партии, то тут как будто говорится о чем-то самозванстве («а пашпорт есть?»). Но по вопросу о «пашпорте» можно будет поговорить тогда, когда Ц. К. поставит точки на і и заявит, кого он имел в виду. Мы поставили себе за правило приучать людей совершать свои нападения мужественно и открыто.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Товарищам, сообщившим для напечатания сведения о рабочих, выдававших по харьковскому делу. К сожалению, в таком виде ваше заявление не может быть напечатано. Приводя фамилии всех выдававших рабочих, вы не упоминаете фамилии того «интеллигента», который, как вы же сообщаете, вел себя так же позорно. Только при условии оглашения фамилии всех виновных, не взирая на звание, мы поместим ваше заявление.

Нашим северо-западным представителем с 3 июля по 1 сентября собрано 108 р. 10 к. (от NN 50 р., от литовца 5 р., К. К. 1 р.; группа содействия 28 р. 30 к., за литературу 23 р. 80 к.); московским представителем собрано за июнь 21 р. 64 к. (за литературу 10 р. 14 к., от Ш. за литературу 10 р. 50 к., за 1 экз. ном. 31 р.), за июль 30 р. (за лит. 17 р., от Возн. 10 р., от Н. Н. за лит. 2 р., в фонд для работающих в России 1 р.). Южным отделом организации И. в мае получено от тетушки 10 р., от инженера 15 р., от Большова 75 руб.

Через Л. Ш. получено за последнее время от X 100 р., от Y 100 р., за литературу 64 р.

От американских товарищей для передачи в стачечный фонд 13 долларов (переслано в Ив.-Вознесенский район).

17852. Просим не писать на прежний адрес. Постарайтесь достать другой или дайте нам адрес, чтобы мы могли написать вам.

Вышло 2-е издание бр. «Женщина-работница» (тип. «Искры»).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Дворянский банк был учрежден в 1885 г. для выдачи ссуд дворянам на очень льготных условиях. Так, напр., общая выплата проц. и на управление в 1894 г. для Двор. б. равнялась $4\frac{3}{4}\%$, в то время как крестьяне должны были платить $6\frac{1}{2}\%$, а вместе с погашением — $7\frac{1}{2}$ — $8\frac{1}{2}\%$. Учреждение Крестьянского банка способствовало лишь вздуванию цен на землю в интересах того же дворянства (напр. в 1896 г.—49 р. за десятину, в 1897 г.—71 р., в 1900 г.—83 р., в 1901 г.—96 руб.).

Прим. 2. Казенная винная монополия (с 1894 г.) уже в начале 900-х годов стала приносить казне гораздо большие поступления, чем до питейной реформы акцизные и патентные сборы, выражавшиеся в сумме несколько менее 300 милл. рублей. В 1904 г. чистый доход от винной монополии достигал 376 милл. руб. и с каждым годом возрастал (напр., в 1911 г. равнялся — без патентного сбора и акциза по частн. заводам — 598 милл. р.).

Прим. 3. В 1896 г., во время коронационных торжеств в Москве, вследствие преступной халатности распорядителей праздника на Ходынском поле, от давки толпы погибло по официальным подсчетам 1.500 человек.

Прим. 4. Упомянутый в этой заметке Забелин, Ив. Егор. — известный историк (род. в 1820 г.), автор трудов «Домашний быт русских царей XVI и XVII в. в.», «История русской жизни с древних времен» и др. М. Липинский — предполагаемый автор конфиденциальной записки Витте «Самодержавие и земство», которую В. И. Ленин (в своей ст. «Гонители земства и Аннибалы либерализма») характеризует как обвинительный акт против земства, составленный «на основании очень (сравнительно) обширного, очень недурно обработанного материала».

Прим. 5. Университетские товарищи прив.-доц. Дэна впоследствии обелили его репутацию указанием на то, что пр.-доц. Дэн отказался от участия в устройстве бесед с рабочими в виду того оборота, какой приняло это дело (об этом см. «Искру» № 16, в отд. «Из нашей общественной жизни»).

Прим. 6. Озеров, Ив. Христоф., проф., известный финансист и ученый (автор трудов «Подходный налог в Англии», «Очерки о реформе прямого обложения в Германии», «Общества потребителей» и т. д.) — типичнейший представитель науки из числа «служащих» буржуазному классу и готовых даже обслуживать интересы «зубатовщины».

ПРИМЕЧАНИЕ К «ИЛЛЮСТРИРОВАННОМУ ПРИЛОЖЕНИЮ».

В четырех карикатурах «Искры» отразились события в России в 1901 г.

В этом году рабочее движение бурно прорвалось наружу, сначала в манифестациях по случаю годовщины освобождения крестьян. В феврале в Харькове (19-го) и Москве (23—26-го) в уличных демонстрациях участвовали тысячи рабочих, и в столкновениях с полицией и казаками было много раненых и избитых нагайками. В Москве дело дошло даже до попыток построить первые баррикады.

Рабочие волнения в Ленинграде (тогда Петербурге), не прекращавшиеся все время, в мае вылились в знаменитую Обуховскую оборону. «Беспорядки» происходили и в других городах (Екатеринослав, Тифлис, Одесса и др.).

В университетах не прекращались волнения и забастовки. Немалое возбуждение было вызвано торжественным отлучением Льва Толстого от церкви.

При этих условиях б. царем Николаем II была предпринята поездка во Францию (состоялась в 1902 г.) для закрепления франко-русского союза и получения крупного займа, значительная часть которого предназначалась на борьбу с революционным движением.

Карикатура № 1 передает в общем эти события. Русские и французские министры влекут колесницу Николая II по трупам убитых рабочих и студентов. Казаки разгоняют нагайками манифестацию. На заднем плане — голодающая деревня. Обер-прокурор Синода Победоносцев и митрополит Антоний распинают Льва Толстого.

Карикатура № 2. Прием Николая во Франции. Царь сидит на кресле с надписью: «Конституция 1793 г.» (Великой французской революции), Лубэ — президент республики, Вальдек-Руссо — премьер-министр, Делькассэ — министр иностр. дел, Мильеран — бывший социалист, министр торговли и промышленности. Французский банкир передает Витте, русскому министру финансов, мешок с золотом.

Карикатура № 3. Возвращение Николая II. Золотой дождь сыплется на сановников, генералов, кулаков. Для народа — нагайки.

Карикатура № 4. Призраки, представшие перед Николаем II ночью в старом королевском замке: король Людовик XVI и его жена Мария-Антуанета были обезглавлены в 1793 г. на эшафоте по приговору революционного народа. Николай II читает в их появлении свою собственную судьбу.

Наверху скрещенные: казачья нагайка и фригийская шапка (знак революционной Франции). Вместе — символ франко-русского союза, в котором некогда свергнувшая короля Франция соединилась с царской Россией.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ „ИСКРЪ“

ВЪ ПОГОНѢ ЗА МИЛЛІОНАМИ.

Порядок водворен — мятежники смирились,
И кровью куплено спокойствие царя,
И снова в тьме кромешной скрылась
На миг блеснувшая заря.

И он, счастливый царь несчастного народа,
Дождавшись, чтобы стих последней битвы звук,
Во Францию, туда, где царствует свобода,
Он едет наполнять свой денежный сундук.

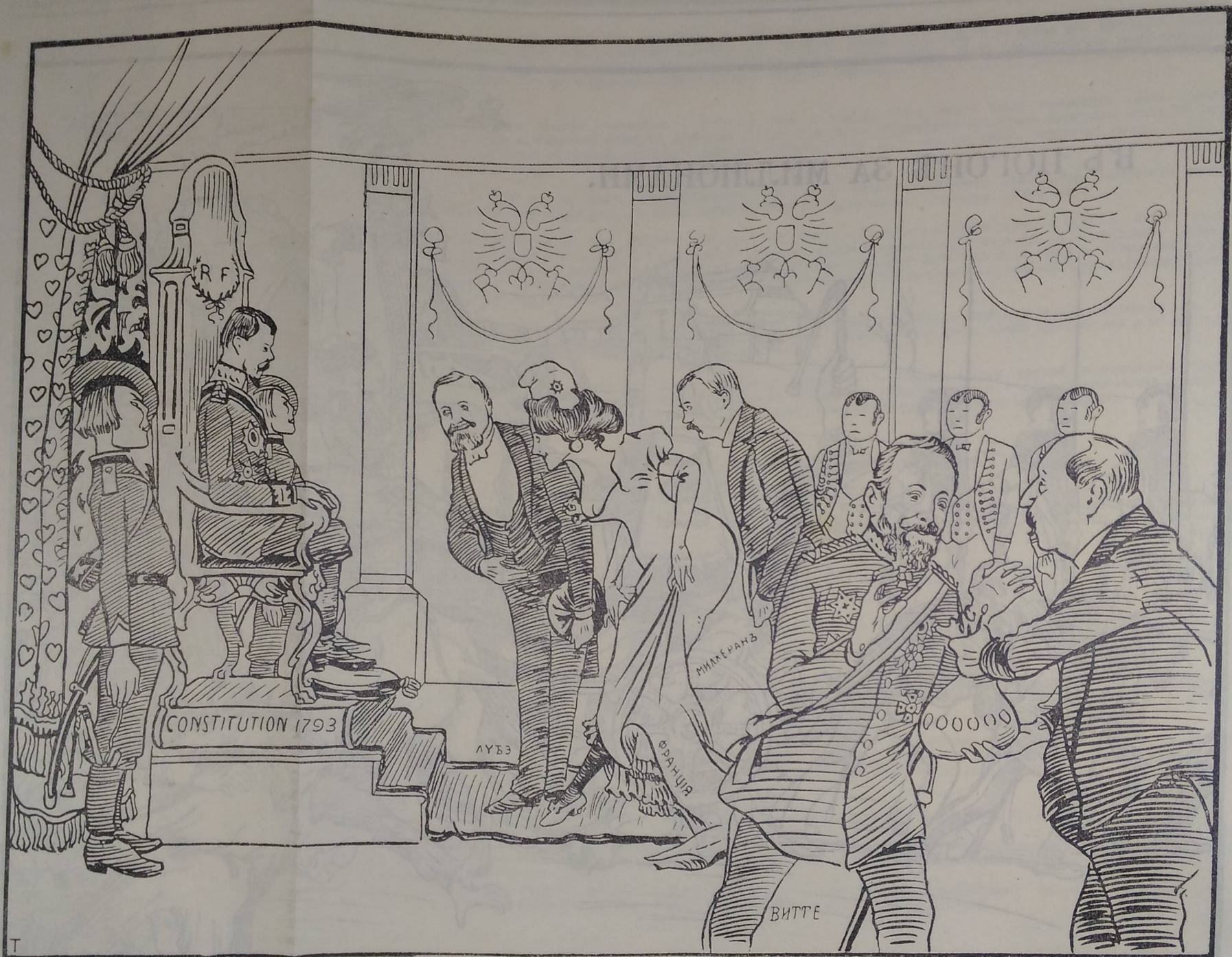
Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов.
Нужны нам сотни миллионов.

И он вернется к нам с набитою мошною,
Богомазанный порфиросный шут,
И снова засвистит над бедною странюю
В руке державной подлый кнут.

И будет хищникам — бичам земли голодной —
Он с царской щедростью добычу раздавать,
Чтоб нам из золота республики свободной
Покрепче кандалы сковать.

Чтоб заглушить всенародные стоны,
Нужны миллионы, миллионы...

И Франция, своих казнившая тиранов,
 Тирану русскому холопски бьет челом,
 И стая Делькассэ, Вальдеков, Мильеранов
 На задних лапках пляшет пред царем.

И Николай Второй с улыбкою надменной
 Вождем республики по ордену дает,
 А Витте с ловкостью и быстротой отменной
 С французской публики золотую шерсть стрижет.

Каторга, тюрьмы, казармы,
 Пушки, казаки, жандармы,
 Рать полицейских, шпионов...
 Много нам нужно миллионов.

ВИДѢНІЕ ВЪ СТАРОМЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ЗАМКѢ.

(НЕПРІЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.)

